
ОГОНЁК
№ 3 ЯНВАРЬ 1973
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

НА ЗАБОТУ ПАРТИИ И ПР
ДОСРОЧНЫМ ВЫПОЛ

АВИТЕЛЬСТВА — ОТВЕТИМ НЕНИЕМ ПЛАНА 1973 г.

ГОД ТРЕТИЙ, РЕШАЮЩИЙ

На Московском заводе автоматических линий имени 50-летия СССР многие рабочие встретили Новый год не по календарю... Значительно перевыполнили свои обязательства на 1972 год ударники коммунистического труда слесарь-сборщик Александр Солдатов, наладчики Виктор Мыскин, Александр Федин, Сергей Стяхлов и слесарь-сборщик Николай Боголепов. Все они работают в сборочном цехе №6.

Фото М. САВИНА.

ГОД ТРЕТИЙ, РЕШАЮЩИЙ

«КОММУНИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РОЖДАЕТ ПОДЛИННЫХ ГЕРОЕВ ТРУДА, ЛЮДЕЙ, ОЛИЦЕТВОРЯЮЩИХ НАШ, СОВЕТСКИЙ, ОБРАЗ ЖИЗНИ».

Из доклада Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик».

На опубликованное в печати постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развертывании Всесоюзного социалистического соревнования работников промышленности, строительства и транспорта за досрочное выполнение народнохозяйственного плана на 1973 год» труженики всех отраслей народного хозяйства страны отвечают ударным трудом.

Производственные коллективы берут высокие обязательства дать в нынешнем году продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами. Из заводских цехов и с гигантских новостроек, с животноводческих ферм и из проектных институтов, со всех краев многонационального нашего государства поступают сообщения о новых свершениях в первую же неделю решающего года пятилетки. В Тюменской области раньше срока вступили в строй нефтяные скважины; государственная комиссия приняла в эксплуатацию железнодорожную линию в горах Малого Кавказа; производство вискозной целлофановой пленки на год раньше срока освоено на Черкасском заводе химического волокна...

В социалистическом соревновании уже определяются первые претенденты на высокое звание правофланговых 1973 года. Об одном из них, о токаре с Московского завода автоматических линий имени 50-летия СССР, наш репортаж.

КАК СЭКОНОМИТЬ ДЕНЬ

Когда мне сказали: «Лучший токарь завода»,— память услужливо подсказала привычный образ— седые волосы, морщинистое лицо, тяжелые, истертые металлом руки. И называли его тоже солидно, по фамилии — Титов. А он оказался невысоким, даже хрупким пареньком, с лицом задумчивым и тонко очерченным, вот только руки, ловкие и крепкие, были действительно до черноты истерты и изъедены металлом. На то он и токарь... «Прирожденный токарь, настоящий талант!» — высказались о Титове в завкоме, а в парткоме завода добавили: «Такого специалиста не стыдно всему миру показать!»

Скажи об этом Борису Титову лет пятнадцать назад — рассмеялся бы: о токарном деле он в то время имел самое общее представление. В школе увлекался всем, чем угодно, мечтал покорить вершины спорта, наук и искусств, но пришла пора возмужания, и выбор пал на обычное техническое училище: мечты мечтами, а надо скорее помогать семье — отец-то с фронта не вернулся.

Там, в техническом училище, Титов впервые узнал о заводе «Станколиния», прошел на нем первую свою практику. Сюда же послали по распределению. Стал парень к станку, слушал советы опытных токарей. Потом, на заводском профессиональном конкурсе, был признан лучшим из них... Нет, «потом» наступило не сразу. Не один год он вырабатывал четкость движений и глазомер, отдавал работе силу рук, напряжение мысли и тепло души. Сейчас-то легко говорить об этом, но стать лучшим — ох, как не про-

Основан 1 апреля 1923 года

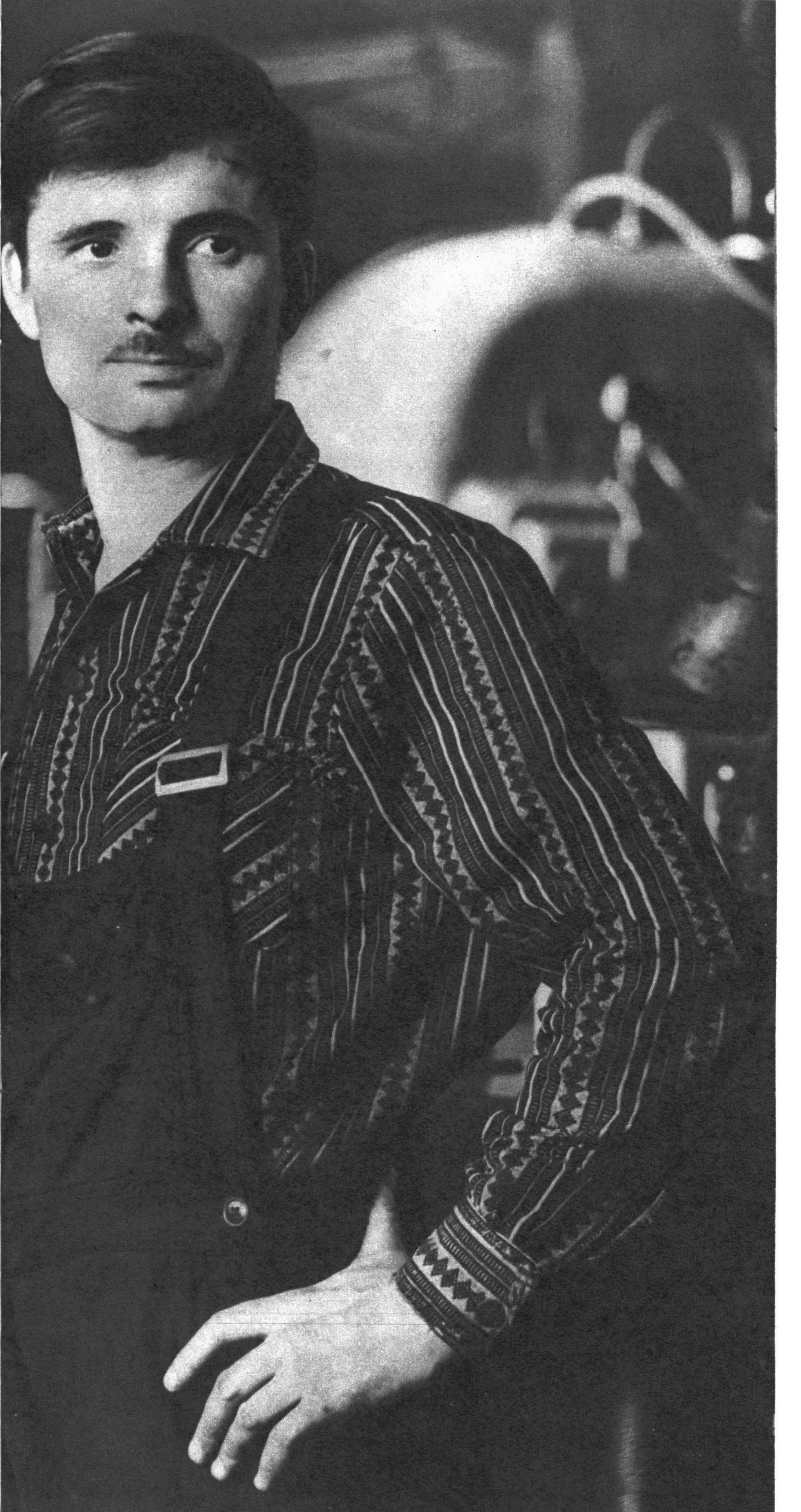
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (2376)

13 ЯНВАРЯ 1973

Токарь Борис Титов

— Правильно говорят,— рассуждает Титов,— что надо хорошо организовать свое рабочее место, надо осваивать опыт соседей и экономить время на операциях... Но, знаете, теперь для токаря только этого — мало. Надо научиться создавать свою технологию, с ходу читать чертежи. Я лишь тогда по-настоящему уверенно почувствовал себя у станка, когда стал учиться в техникуме...

И все же он оказался типичным рабочим, потому что именно молодость и интеллект стали теперь самыми типичными признаками нового рабочего поколения. Вот Салик Абрахимов — тоже отличный молодой токарь, тоже выпускник техникума. Его станок стоит рядом со станком Бориса Титова, и так же рядом висят на доске почета их портреты. Впрочем, с доброй трети вывешенных здесь фотографий глядят такие юные и, не побоюсь этого слова, одухотворенные лица сегодняшних рабочих. Лишь взглянув на эту доску, можно сказать: завод помолодел. Кто знает, может, именно поэтому в минувшем году предприятие завоевало славу одного из лучших в столице. Еще в ноябре коллектив «Станколинии», тщательно проанализировав свои возможности, решил выпустить дополнительно к ранее взятым социалистическим обязательствам еще одну автоматическую линию и шесть станков. К 18 декабря завод рапортовал: план 1972 года выполнен. Тогда же, в декабре, у коллектива окрепла уверенность в том, что задание на будущий, 1973 год тоже будет выполнено гораздо раньше срока.

Недаром предприятию присужден Юбилейный Почетный знак ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС в ознаменование 50-летия образования Союза ССР, не случайно заводу, как одному из лучших в столице, присвоено новое имя — Московский завод автоматических линий имени 50-летия СССР. Сегодня девиз создателей автоматических линий, девиз участников социалистического соревнования: «Больше, лучше, дешевле!».

— Конечно, все мы помним, что план завода состоит из наших личных планов,— говорит Титов.— Семьдесят третий год для многих, можно сказать, уже наполовину прошел — в счет него с первого ноября у нас работает тысяча сто пятьдесят человек.

— И вы, Борис, среди них?

— Да, вступив в социалистическое соревнование, я тоже взял повышенные обязательства. Может случиться так, что в этом году выполнить их будет нелегко: меня вроде бы собираются поставить к новому станку с программным управлением. Правда, я проходил стажировку на заводе «Красный пролетарий», где выпускаются эти станки, но все же освоиться с такой сложной техникой будет нелегко. Думаю, справлюсь...

Борис включил станок — время не ждет! — и через несколько секунд снял с него готовую, блестящую и еще теплую после обработки деталь. 70 таких штырей Титов должен был обточить за полторы рабочих смены. Но еще до обеденного перерыва Борис сдал готовые детали в ОТК. Сэкономлен целый день начавшегося года...

Б. СМИРНОВ

Небо Ленинграда.

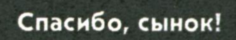
ЛЕНИНГРАД

Эти танки отремонтированы рабочими Кировского завода.

Теперь здесь можно ходить без опаски.

Спасибо, сынок!

На берегу Ладоги.

В бой под знаменем!

18 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА ПРОРВАЛИ ВРАЖЕСКУЮ БЛОКАДУ ГОРОДА ЛЕНИНА.

«Промерзший, голодный, израненный город сказал миру: «Ленинград никогда не был и не будет в руках врага!» И город-герой стоял, не дрогнув, являя миру образец невиданной стойкости, выдержки, железной дисциплины и силы духа».

Л. И. Брежнев.

Выстояли!

ПОБЕДИЛ!

ГРОМ НАД НЕВОЙ

О. СКУРАТОВ

Почти никто не вел тогда дневников. Думалось, запомнится все: и угольный цвет хлеба и сдвоенный обвальный грохот снарядов. Казалось, раскаленным осколком вошел в память каждый день ленинградской блокады.

Но недавно в зале музея, там, где забито окно и стоит жестяная печурка, я услышал радиозапись сигнала воздушной тревоги. И понял, что совсем забыл его, бередящий душу звук. Память тоже залечивает свои раны...

С Александром Ивановичем Шерстневым меня познакомили в секции ветеранов войны. В годы блокады он командовал полком, мне же тогда не было и пятнадцати лет. Но и ему и мне помнится та безудержно радостная ночь, когда Ленинград узнал о прорыве. И сегодня мы пришли вместе к заснеженному берегу, где еще стоят колпаки дотов и темнеют проталины обвалившихся окопов.

Впереди, от Шлиссельбурга до Невской Дубровки, виднеется обрывистый берег — блокадный край, где тридцать лет назад, врывшись в землю, стояли немецкие дивизии.

— Здесь мы перешли Неву,— тихо говорит Шерстнев.

Несколько шагов, и под ногами ледяной панцирь. Ветер с Ладоги бросает в лицо белую поземку, и невольно кажется, что сейчас ударит навстречу дробный стук пулеметов.

Но тихо на Неве... Я подхожу к серому гранитному дому на улице Некрасова, смотрю на окно комнаты, где мы с мамой и младшим братом пережили блокаду, и ищу след снаряда, пробившего рядом стену. Нет, не могу найти этого следа. Однажды я решился зайти в нашу старую квартиру. Здесь кипит жизнь. А я помню холодную тьму коридора и день, когда в десяти комнатах не осталось никого в живых.

Только на кухне заметен, верно, последний блокадный след — серый цемент, заменивший в нескольких местах на полу плитки кафеля. Никто из новых жильцов не помнит, куда делись недостающие плитки. Пришлось признаться, что я колол здесь мебель на дрова в ту голодную зиму.

Блокада... В сентябре сорок первого, вслушиваясь в артиллерийский гул, доносившийся от Пулковской обсерватории, мы еще не произносили этого слова.

В небе колыхалось зарево пожара Бадаевских складов. А мы всей нашей дружной семьей ходили провожать ополченцев Смольнинского района. Гремел оркестр, за ним застыли шеренги людей в пиджаках и рабочих спецовках...

Блокада пришла позже. Она вошла в наши дома вместе с мраком и нечеловеческим холодом, двинула по улицам скорбные вереницы санок. Она окружила каждого из нас инеем на комнатных стенах, молчанием улиц, мерным стуком метронома в репродукторах.

В какой-то хмурый январский день мы варили на «буржуйке» случайно найденную пачку горчицы. Впереди был длинный-предлинный день, и мы, пытаясь хоть сном утолить голод, забрались под ледяные одеяла... И тогда мама сказала:

— Мы вечером идем в театр!

Как зачарованные, мы смотрели на сцену, где била ключом волшебная, почти забытая жизнь. А когда вернулись, то не такой заброшенной и холодной показалась наша квартира. Низкий поклон вам, артисты блокадного Ленинграда!

Но театр был не единственным чудом осажденного города. В самые тяжелые дни в Доме офицеров открылась удивительная выставка.

Более ста фронтовых художников, душою и организатором которых был авиатор Ленинградского фронта Анатолий Яр-Кравченко, принесли сюда свои новые работы.

В зале Дома офицеров не было уже стекол, и у пришедших сюда людей снег не таял на валенках. Но ленинградцы, взыскательные ценители прекрасного, подолгу стояли у блокадных пейзажей Виктора Морозова, у взывающих к мести картин Юрия Непринцева, у портретов летчиков Анатолия Яр-Кравченко.

В час открытия выставки в зал бережно внесли гипсовую скульптуру героя ленинградского неба Николая Свитенко. Ее автор Борис Шалютин не дошел нескольких кварталов до выставки. Срезанный осколком снаряда, он упал на снег, бережно прижимая к груди свою последнюю работу.

И вот свершилось! 12 января сорок третьего года гром сотен орудий грянул над державной Невой. Нынче артиллерист Ленинградского фронта Семен Захарович Кадацкий так вспоминает о первых часах сражения:

«За ночь мы выкатили к Неве батареи, поставив их на прямую наводку. В 9.30 стало светло... Взлетела ракета, и сразу дрогнула земля. Небо от Шлиссельбурга до Дубровки заволокло дымом. Вражеский берег стал черным от тысяч воронок.

Прошел час, а гром артиллерии не стихал. Его слышали бойцы Волховского фронта, слышали ленинградцы. Стоял двадцатиградусный мороз, но не огонь — ненависть раскалила стволы. Батарейцы вдохновенно работали у орудий, скинув в снег полушубки».

И вот мы с Александром Ивановичем Шерстневым стоим на изрытом войною берегу, там, где штурмовала Неву дивизия генерала Симоняка. Шерстнев показал на чуть заметную лощинку — все, что осталось от былой траншеи:

— Здесь прошел 3-й батальон. Первым. Пошел, не дождавшись зеленой ракеты. Но можно понять бойцов. Сколько дней они ждали этого мига! В окопах стояли знамена с Кировского завода — свидетели штурма Зимнего. Бойцы поклялись пронести их на левый берег!

До конца артподготовки остались считанные минуты, когда над Невой зажглись белые ракеты, подав условленный знак — готовься! И тут я увидел, как из передних окопов ринулись на лед бойцы штурмовых групп. А вслед за ними хлынули к вражескому берегу все батальоны. Падали сраженные. Но цепи шли во весь рост. А сводный армейский оркестр грянул с берега «Интернационал».

...Давно отгремели залпы над широкой Невой. Но, словно все еще воюя, смотрят в ее воды темные амбразуры дотов. До сих пор не растут деревья на земле Невской Дубровки, прожженной огнем и исхлестанной железом. И ладожский ветер поет солдатские песни над крутым берегом.

Тридцать лет назад у окраины рабочего поселка прозвучал пароль встречи двух фронтов-побратимов.

— Победа! — крикнули пароль из цепи ленинградцев.

— Смерть фашизму! — отозвались бойцы Волховского фронта.

Это было морозным утром 18 января сорок третьего года.

ТОЛЬКО ФАКТЫ

В дни, когда враг подходил к Ленинграду, 160 тысяч добровольцев вступили в ряды народного ополчения.

Ежедневно 500 тысяч ленинградцев работали под огнем врага на строительстве оборонительных рубежей. За время блокады гитлеровцы обрушили на Ленинград более 107 тысяч бомб и 150 тысяч снарядов.

20 ноября 1941 года устанавливается норма выдачи хлеба: рабочим — 250 граммов, служащим, иждивенцам и детям — по 125 граммов.

Состав блокадного хлеба: мука ржаная — 50 процентов, целлюлоза — 15, солод — 10, соевая мука, отруби и обойная пыль — 25...

Во время блокады в Ленинграде от голода погибли 641 803 человека. Англия и Америка потеряли за всю войну около 500 000 человек.

19 ноября по ладожской «дороге жизни» прошел первый обоз с продовольствием.

В условиях блокады непрерывно работала военная промышленность. Ленинградцы дали фронту 2 тысячи танков, тысячи пушек и пулеметов.

9 августа 1942 года в Большом зале Филармонии впервые исполнялась Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича, написанная им в первую блокадную зиму.

За мужество и героизм 5 тысяч школьников были награждены медалью «За оборону Ленинграда».

За первые полтора года войны в Ленинграде было принято в Коммунистическую партию 21 500 человек.

Около 400 участников обороны Ленинграда удостоены звания Героя Советского Союза.

Впервые в Отечественную войну враг был остановлен и не смог двинуться дальше стен Ленинграда. До Дворцовой площади гитлеровские дивизии не дошли 14 километров, до Кировского завода — 4 километра.

15 апреля 1942 года по Ленинграду вновь пошел трамвай.

Во время войны в Ленинграде 649 раз взвывал сигнал воздушной тревоги и 3 027 раз радио предупреждало о начале артиллерийского обстрела.

По инициативе комсомольцев Приморского района в первую блокадную зиму были созданы десятки молодежных отрядов для оказания бытовой помощи населению. Они носили в квартиры воду, помогали колоть дрова и хоронили погибших. Этими отрядами были спасены 8 тысяч детей-сирот.

Артиллерийский разведчик художник Василий Никифоров перед прорывом блокады нарисовал четырехметровую панораму вражеского берега. Прикрываясь маскхалатом, он в лютую стужу наблюдал с невского льда за передним краем гитлеровцев. Зоркий глаз художника обнаружил десятки замаскированных огневых точек и заграждений. Копии этой уникальной панорамы были розданы на батареи, а бесстрашного художника генерал Н. П. Симоняк наградил орденом Красной Звезды.

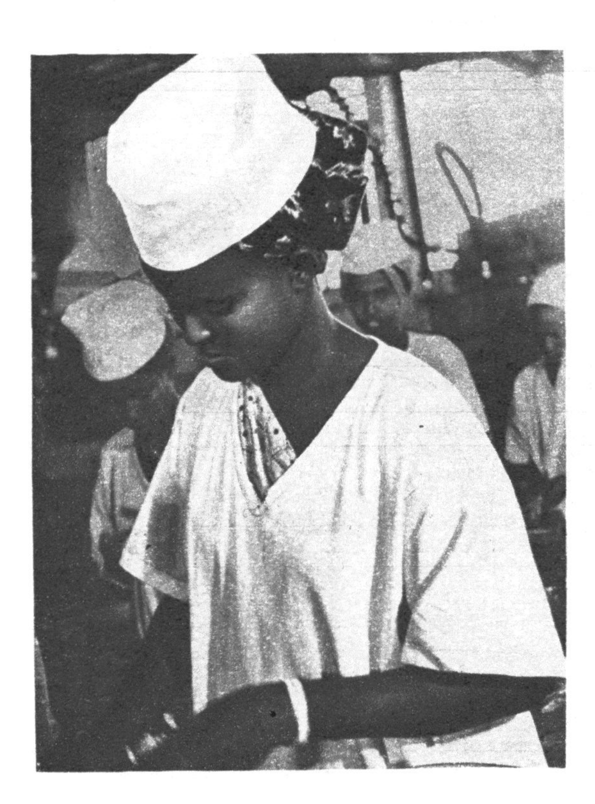
В отряде самообороны прибрежной провинции Куангбинь (ДРВ) насчитывается 29 девушек, самой старшей из которых всего 21 год. На счету у отважного отряда много подбитых американских кораблей, базирующихся в Тонкинском заливе.

Бойцы Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама продолжают наносить удары по позициям марионеточных войск. На снимке: патриоты, действующие в провинции Намбо, перед наступлением. На втором плане видна военная техника, захваченная ими у противника.

Особое значение для Сомали как страны, специализирующейся в области развития скотоводства, имело строительство мясокомбината в Кисмаю. Это оборудованное новейшей техникой предприятие пищевой промышленности было сооружено с помощью Советского Союза. В его цехах работает сейчас много молодежи.

Фото ТАСС.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ В ГОД

Николай ПОЛЯНОВ

Не успела погаснуть новогодняя лампиония, а европейская политика снова в пути. Современник ощутит это в любой столице — и большой и малой. Побывав в Московском Кремле или в Елисейском дворце, на берегах Рейна в Бонне или на берегах Дуная в Вене, заглянув в пригород финляндской столицы, там, где среди сосен и скал высится теперь уже знаменитое здание «Диполи», или поговорив с дипломатами, которые собираются в этом здании продолжить свои консультации,— повсюду он скажет: да, Европа в движении! Пожалуй, никогда еще в прошлом она не начинала очередное путешествие длиною в целый год с таким обильным багажом добрых пожеланий и надежд.

Что было, что будет? Об этом размышляют европейцы, оглядываясь в прошлое и стараясь проникнуть мысленным взором в будущее. Долгий ли срок шесть или десять лет? Но как быстро раскрутилось за это время колесо событий! Оно оставляет позади гололедицу «холодной войны» и вот уж покатилось по новым, пусть еще порой ухабистым и крутым, но все же бесконечно перспективным дорогам. Еще неполные семь лет назад, в 1966 году, когда из Бухареста прозвучало предложение социалистических стран о созыве общеевропейского совещания, Запад ответил на это гробовым молчанием. Еще два-три года назад в штаб-квартире НАТО желчно огрызались, когда слышали слова «европейская безопасность». Еще год назад, когда советская Программа мира завоевала всеобщее признание, атлантические политики и генералы все еще продолжали становиться в позу скупого рыцаря: за каждое слово, произнесенное ими в диалоге с другой стороной, требовали в уплату политические уступки — то в Западном Берлине, то где-то еще. Как будто диалог не был нужен и им. Как будто арифметику исторических перемен можно подменить арифметикой политического торга...

А теперь? Позвольте представить г-на Иозефа Лунса, генерального секретаря НАТО, несокрушимого атлантиста, того самого г-на Лунса, который еще недавно готов был метать гром и молнии на головы тех, кто предлагал перейти от Европы конфликтов к Европе безопасности, поскольку нынешнее соотношение сил и впрямь не оставляет иной разумной альтернативы. Даже для атлантиста номер один годы не прошли бесследно. Даже он вынужден все чаще капитулировать перед упрямыми фактами. «Русские не имеют воинственных намерений в отношении Европы»,— нехотя молвил он несколько недель назад. Какое невероятное прозрение! Подумайте только, теперь и Лунс признает давно всем известное миролюбие русских, что, впрочем, не мешает ему по-прежнему требовать миллиарды на гонку вооружений.

Превращения знакомого лица в не менее знакомой компании натовского начальства — всего лишь симптом. Куда важнее глубинные перемены в европейской политике. Когда немногим более года назад во Франции побывал с официальным визитом Леонид Ильич Брежнев, когда он встретился там с президентом Жоржем Помпиду, когда подписал в Париже советско-французский документ, то это не только подняло на новую ступень взаимоотношения между двумя государствами — это оказало благотворное воздействие на политический климат всей Европы. И вот президент Французской республики нынешним январем у нас в гостях. Прежде чем направиться в Советский Союз с неофициальным визитом, он заметил: «Мы стремимся к тому, чтобы все народы Европы пришли к взаимопониманию... Каждый раз, когда люди встречаются с добрыми намерениями, это служит разрядке напряженности и сотрудничеству в Европе».

Многое, очень многое из того, что всего несколько лет назад казалось маловероятным, стало почти будничной практикой в европейской жизни. Государственные деятели Востока и Запада нашего континента обмениваются визитами, заключают договоры и соглашения, которые помогают положить конец взаимному недоверию и открывают дверь к взаимному пониманию. Тридцать два европейских государства плюс Соединенные Штаты и Канада посылают своих дипломатов в Хельсинки, чтобы они там договорились о процедуре европейского совещания по безопасности и сотрудничеству. Недаром западногерманский канцлер Брандт приходит к выводу: «В этой части света (в Европе.— **Н. П.**) нет больше нужды бояться за мир».

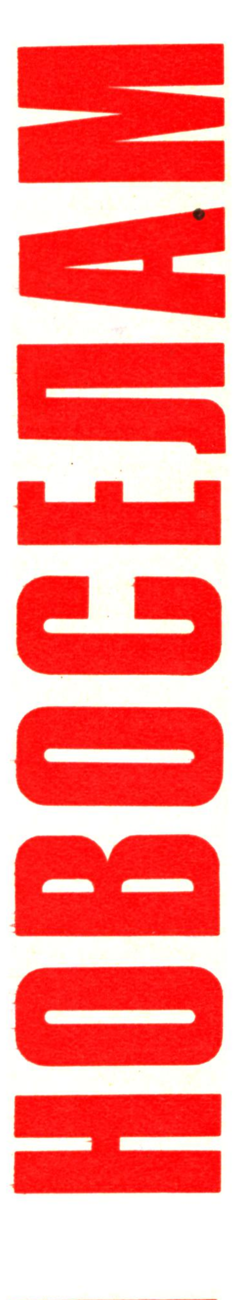
Конечно, рождению европейской безопасности не может быть свойствен какой-то автоматизм: безопасность рождается в борьбе с силами вчерашнего дня. Мистер Тимоти Стенли, многолетний представитель Пентагона в брюссельской штаб-квартире НАТО, и генерал Эндрю Гудпейстер, верховный главнокомандующий атлантическими вооруженными силами, хотели бы доказать обратное, а именно: будто автоматизм навечно поселился в военной машине НАТО. Будто это обеспечит ей способность греметь гусеницами чуть ли не до скончания веков. Обоих натовских деятелей одолевает сейчас одна забота: заставить партнеров поглубже залезть в карман, бросить побольше денег в ненасытную пасть гонки вооружений и тем самым связать их на долгие годы с Атлантическим пактом.

Увы, натовская автоматика все чаще буксует. Выколачивать доллары из союзников становится ох как трудно! Дания, например, прямо говорит «нет». Норвегия, Исландия, Бельгия напоминают: ведь все мы готовимся к общеевропейскому совещанию, так зачем же столь бессмысленные траты? Генерал Гудпейстер оскорблен в лучших чувствах. «Неблагодарные»,— ворчит он втихомолку. Вслух браниться остерегается: ведь для публичных окриков по адресу партнеров время, кажется, прошло.

Погасли новогодние огни, и Европа-73 набирает скорость. Промелькнули первые верстовые столбы. Путешествие длиною в год начато. И мы верим, что оно будет успешным.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Б. СОПЕЛЬНЯК

В большой, ярко освещенной комнате лежат дрова. Березовые, сосновые, дубовые и ясеневые чурбачки так дурманяще свежо пахнут, что привыкшие к городским запахам люди, кажется, совсем забыли, зачем сюда собрались. И хотя вокруг сложнейшие машины, все, наверное, видят себя в глухой лесной избушке: метет поземка, трещит мороз, а ты пристроился у потрескивающего камелька и слушаешь абсолютно достоверные охотничьи рассказы...

— Ну, хватит! — говорит наконец невысокий худощавый парень. — Настроились, и за дело. Володя, ставь поленницу на стенд! Игорь, высвети чурбачки так, чтобы на пленке осталась не только текстура дерева, но и запах! Идемте в темную комнату,— кивнул мне Анатолий Царев. — Поможете вставить пленку. А заодно заглянете в душу дерева...

Сначала я ничего не понял. На огромном экране шла какая-то таинственная жизнь. Золотистые кольца, нанизанные на темно-коричневый стержень... Пыльно-серые дороги, превращающиеся в узкие, путаные тропинки... Янтарно-теплые глазки... Но больше всего меня поразил вишнево-карий глаз в угольно-черном обрамлении ресниц.

Где все это происходит? Есть в Мытищинском районе, Московской области, молодое, одно из крупнейших в Европе предприятие с довольно будничным названием: комбинат «Стройпластмасс». Многие москвичи да и жители других городов страны широко пользуются продукцией этого комбината. Перила лестниц, линолеум, дверные ручки, обои — со всем этим мы соприкасаемся каждый день.

Представьте себе предприятие, оснащенное самым современным оборудованием и в то же время напоминающее мастерскую художника. Входишь, скажем, на линолеумный завод и видишь здесь всего двух-трех человек у станков-автоматов. Где-то наверху в гигантской «мясорубке» крошится сырье, варится, выдавливается, склеивается, охлаждается и попадает на склад готовой продукции. Тут создают линолеум под дубовый, буковый или березовый паркет, под мрамор, яшму или малахит; линолеум цвета морской волны, каракумской пустыни или вешнего луга; линолеум, тонкий и блестящий, как стекло, и наклеенный на войлок, похожий на ковер. И такой великолепной продукции тут выпускают десять миллионов квадратных метров в год!

Здесь же делают и покрытие лестничных перил, всевозможные отделочные рейки и пока что мало кому знакомый электротехнический плинтус. Взгляните на нижнюю часть стен своей квартиры: там и черный кабель телевизионной антенны, и телефонный шнур, и электропроводка. Оказывается, спрятать это проще простого. Делается полый пластмассовый плинтус, внутрь которого и убираются все провода.

На заводе декоративных бумажно-слоистых пластиков народу побольше, но и работа здесь кропотливее. Продукция этого завода в основном идет на внутреннюю отделку общественных зданий — кинотеатров, клубов, кафе, магазинов... Большие панели, имитирующие ценные породы дерева, уральские камни или дорогие ткани, легко прикрепляются к любой стене и служат, можно сказать, вечно.

— Секрет в том,— объясняет директор завода С. Я. Шукевич,— что поверх плиты, спрессованной из восьми слоев специальной бумаги, укладывается еще один лист, тончайший, пропитанный особой смолой. Потом под большим давлением на этот пакет опускается полированное металлическое зеркало. При температуре 150 градусов смола расплавляется, проникает в поры плиты и образует тонкую, необычайно прочную пленку. Мало того, что эта зеркальная или матовая пленка защищает плиту от механических и температурных воздействий, она еще и подчеркивает ее текстуру, сделанную под дерево, камень или ткань. А текстура зависит от верхнего слоя бумаги, рисунок на которую наносится вращающимися цилиндрами. Пожалуй, нет более тонкой и сложной работы, чем изготовление таких цилиндров. Этим и занимаются в отделении фотогравировки.

Так я и попал к Анатолию Цареву, который в тот день был начальником смены. Гордость отделения фотогравировки — «двухкомнатный» фотоаппарат. И дело тут не столько в его конструкции, сколько в размерах — в одной комнате он попросту не умещается.

— Берем паркетную плиту, дубовую или сосновую доску (мы их называем документом) и фотографируем,— рассказывает Анатолий.— Негатив размером метр на метр ретушируем, снова фотографируем и так раз десять, пока не добьемся четкого и характерного для этого дерева или камня изображения. Потом оно переносится на стальной цилиндр. В принципе для нас нет ничего невозможного: можем сфотографировать что угодно, а потом накатать на бумагу.

А на заводе декоративной отделочной пленки подлинный праздник красок. Сперва меня поразила четырехцветная печатная машина, которая размахнула на всю длину пролета неправдоподобно красивые полотнища усыпанной цветами пленки. Потом я пошел к другой, накатывающей на молочно-белые рулоны симпатичнейших гномов, собачек, кошек и других зверушек. Оттуда — к изящным гобеленам, от них — к метлахской плитке...

Мастер цеха облагораживания пленки Н. И. Акиньшин объяснил:

— Все, что вы здесь видите, можно использовать где угодно. К тому же с обратной стороны пленка пропитана специальным клеем и защищена силиконизированной бумагой. Отодрал бумагу — и приклеивай пленку к чему хочешь. Можно ее использовать как обои, можно оклеить стол, и будет казаться, что он сделан из красного дерева. Я уж не говорю о детской комнате, ванной, кухне, холодильниках и шкафах...

В кабинете генерального директора Г. И. Зохина стоит большой макет комбината. Кое-какие здания я узнал, а многих еще нет и в помине.

— Таким будет наш ордена Октябрьской Революции комбинат через два-три года,— с гордостью сказал Григорий Иосифович. — А ведь всего пятнадцать лет назад на этом месте был обыкновенный кирпичный завод. После коренной реконструкции мы начали выпускать линолеум, синтетические ковры, бумажно-слоистый пластик, декоративную отделочную пленку, пенопласт, стеклопластик и многое, многое другое. Известно, что наша продукция пользуется большим спросом. И хотя мы ее поставляем централизованно — строительным трестам и управлениям,— в конце прошлого года в Москве, на Звездном бульваре, открылся наш фирменный магазин. Предприятий, подобных нашему, пока мало, поэтому мы непрерывно наращиваем мощности. Большую помощь оказывают нам проектные институты, заводы и лаборатории всех союзных республик. Объединению еще расти и расти: недавно нам передали несколько заводов, и комбинат стал объединением. А значит, и продукции будем давать больше, и, следовательно, все больше новоселов встретят в своих квартирах фирменный знак нашего предприятия.

Оператор Тамара Филипповна Андреева.

Так выглядят ворсовые ковры.

Пульт управления.

Фото М. САВИНА.

Пестрая продукция комбината.

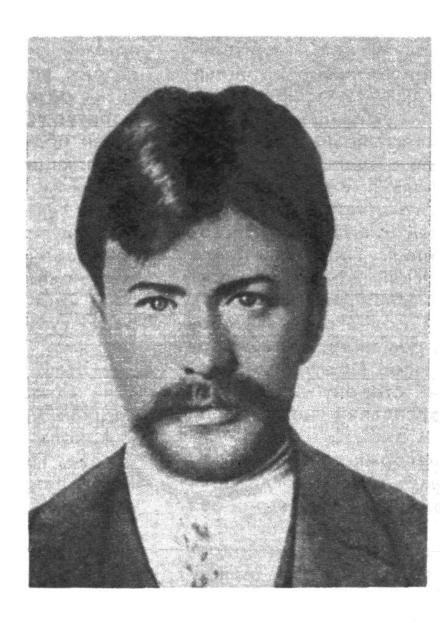

Звонкие струны химии.

Отделка комнаты отдыха — из собственных материалов.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА БАБУШКИНА

ЯРКАЯ, ТРУДНАЯ, СЛАВНАЯ...

Сто лет назад в глухой вологодской стороне, в селе Леденгском, родился человек, которому судьба уготовила жизнь короткую, но яркую, трудную, но славную... Это был Иван Васильевич Бабушкин, крестьянский сын, питерский пролетарий, ученик, соратник и близкий друг Владимира Ильича Ленина. Под благотворным влиянием В. И. Ленина он стал выдающимся деятелем нашей партии, страстным агитатором-большевиком, талантливым публицистом. «Кто хочет светить, должен сам гореть!» — вот из породы каких людей был И. В. Бабушкин. В эти дни нельзя не вспомнить слова Владимира Ильича: «Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин».

...После смерти отца — рабочего-солевара — десятилетний Ваня переезжает с матерью в Петербург. Почти три года мается на побегушках в бакалейной лавчонке. Потом поступает учеником слесаря в Торпедные мастерские Кронштадтского порта. Здесь деревенский паренек стал первоклассным металлистом. Летом 1891 года Бабушкин поступил слесарем на Семянниковский завод. За Невской заставой в жизни Бабушкина произошли события, определившие его жизненный путь: он стал заниматься в Смоленской вечерней воскресной школе, где учительствовали педагоги-марксисты Н. К. Крупская, З. П. Невзорова и другие. Школа открыла Бабушкину глаза на многое — из «числительного человека», как называл он себя, Иван Васильевич постепенно становится сознательным пролетарием. Поздней осенью 1894 года Бабушкин встретился с В. И. Ульяновым. Владимир Ильич пришел на квартиру, где жил Бабушкин, чтобы руководить рабочим нелегальным кружком.

Школа, общение с Владимиром Ильичем, чтение книг окончательно сформировали мировоззрение молодого рабочего. Он стал убежденным революционером, активным деятелем Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», созданного В. И. Ульяновым.

Первое испытание — арест в январе 1896 года — не сломило Бабушкина. Пять раз допрашивали его жандармы и пять раз слышали от него одно и то же: «Никого не знаю», «Ни с кем не встречался», «Отвечать на вопросы не желаю»... И лишь однажды дрогнул спокойный, чуть глуховатый голос узника одиночной камеры — это когда ему на допросе предъявили фотографию Владимира Ильича Ульянова: «А этого знаешь?» Только на долю секунды запнулся Бабушкин, а потом решительно заявил: «Нет, не знаю...»

В доме предварительного заключения, где томились Ленин, Бабушкин и многие другие деятели «Союза борьбы», Иван Васильевич однажды получил по тюремному «телеграфу» совет Ленина: «Если дадут высылку по выбору, поезжайте в Екатеринослав». 17 февраля 1897 года Бабушкина выслали из Питера в Екатеринослав. Здесь он создал «Союз борьбы», а позднее комитет РСДРП, организовал выход подпольной газеты «Южный рабочий».

В январе 1900 года, спасаясь от преследования полиции, Бабушкин тайно покинул Екатеринослав и уехал в Петербург. И снова боевое задание Владимира Ильича, приехавшего в Петербург после отбытия ссылки в Сибири: поселиться в Смоленске и организовать там опорный пункт будущей «Искры». А через год новое поручение Ленина: перебраться в Покров, Владимирской губернии, чтобы действовать там в качестве агента «Искры». Талант Бабушкина — организатора и публициста — развернулся тут в полной мере. Оценивая его деятельность в тот период, В. И. Ленин писал: «Иван Васильевич был самым усердным корреспондентом «Искры» и горячим ее сторонником».

Зимой 1901 года Бабушкина схватили жандармы и по этапу выслали в Екатеринослав. В ночь на 29 июля 1902 года Иван Васильевич, перепилив решетку, бежал из тюрьмы. Путь его лежал через Польшу, Германию и Францию в Лондон — к Ленину. Так вновь скрестились жизненные пути В. И. Ленина и И. В. Бабушкина.

Поздней осенью 1902 года Бабушкин по поручению В. И. Ленина приезжает в Петербург, где ведет энергичную борьбу против «экономистов» и зубатовщины. Но не долго довелось ему пробыть на воле: 7 января 1903 года Ивана Васильевича арестовали, а вместе с ним в тюрьму увезли жену, Прасковью Никитичну, и годовалую дочурку Лидию, вскоре умершую в тюремной больнице...

На этот раз Николай II самолично распорядился судьбой «опаснейшего государственного преступника»: пять лет ссылки на «полюс холода», в Верхоянск.

...Грянула первая русская революция. Бабушкин самовольно покидает ссылку и приезжает в Иркутск, охваченный революционными событиями. Вскоре партия направляет его в Читу. Он вооружает рабочих, выступает на митингах, сотрудничает в пролетарской газете «Забайкальский рабочий».

Между тем над революционной Сибирью нависли черные тучи. Сюда были двинуты карательные экспедиции. Они уже находились на ближних подступах к Иркутску, когда Бабушкин с пятью товарищами-большевиками и с транспортом оружия отправляется на помощь иркутянам. Но доехать до Иркутска им не удалось. Смельчаки были схвачены опричниками Меллера-Закомельского и поздним вечером 31 января 1906 года расстреляны на станции Мысовая Кругобайкальской железной дороги...

Перу Ленина принадлежит статья-некролог «Иван Васильевич Бабушкин». «Без таких людей,— писал Владимир Ильич,— русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации».

Советский народ свято чтит память об Иване Васильевиче Бабушкине. Ему сооружены памятники во многих городах, его именем названы школы, парки, улицы, площади, суда, село, где он родился, город, где он погиб.

Г. МИШКЕВИЧ

ИЗ СИБИРИ НА ЕВФРАТ

Завод «Сибэлектротяжмаш» — крупный экспортер. Изделия с его маркой — генераторы и другие электрические машины — известны в десятках стран мира. Только в минувшем году завод изготовил три мощных гидрогенератора для сооружаемой с помощью Советского Союза в Сирии на реке Евфрат крупной гидростанции мощностью около миллиона киловатт... Гидротехнический комплекс на Евфрате позволит значительно расширить посевные площади в республике и поможет быстрому развитию промышленности. Известную роль в этом сыграют и сибиряки, отправляющие в Сирию машины отличного качества.

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»

ЗАВОД НА КОРАБЛЕ

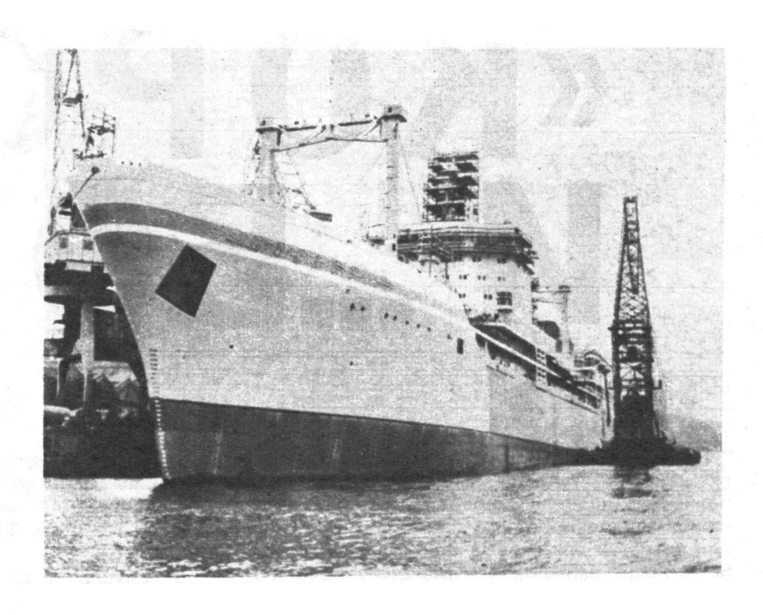
К глубоководной набережной адмиралтейской верфи из ходовых испытаний возвратилась рыбоперерабатывающая мучная база «Пятидесятилетие СССР». Много могучих и разных судов создали ленинградские корабелы для рыбной промышленности, но таких, как это, им еще никогда не приходилось строить. В океанах и морях есть районы, богатые мелкой, так называемой сорной рыбой, не пригодной для пищи. Однако, если эту сорную рыбешку постоянно вылавливать и превращать в муку, страна получит ценнейший продукт для сельского хозяйства.

На корабле установлена новейшая штурманская и радионавигационная аппаратура советского производства. В плавание отправится мощный высокомеханизированный и автоматизированный завод. Ходишь по его цехам, и ощущение такое, будто ты на земле: станки, морозильные установки, уникальное технологическое оборудование, аппараты для выработки льда, электростанция, оснащенная совершенной техникой...

Уникальная рыбоперерабатывающая мучная база «Пятидесятилетие СССР» сдана заказчику и отправляется вокруг Европы и Африки во Владивосток. Отсюда она уйдет на промысел в воды Тихого океана.

К. ЧЕРЕВКОВ, собкор «Огонька»

Фото И. Мельникова

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«МОРЕ УГРОЖАЕТ»

Очерк под таким названием был опубликован в № 25 «Огонька» за 1972 год. Государственный Комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР признал выступление журнала правильным и своевременным.

«...Действительно, — пишет в редакцию член комитета А. Кудрявцев, — размыв береговой полосы городов-курортов Гагра, Новый Афон, Очамчира и Кобулети продолжается, несмотря на то, что за последние годы проведены значительные работы по укреплению отдельных участков берега». Ныне трехсоткилометровое черноморское побережье Грузии только на одну треть защищено пляжами от разрушительного действия волн. В результате длина размываемого берега за десять лет увеличилась на 27 километров. Короче говоря, темпы разрушительного действия моря опережают темпы берегоукрепляющих работ. Чтобы выправить положение, следует создать мощную строительную организацию, которая обеспечит выполнение работ. Задачу эту стоит решать, говорится в письме, заимствуя опыт Министерства коммунального хозяйства Украины в защите крымского побережья.

Л. ЛЕРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

С «королем» заочно мы были знакомы давно. В разное время. До войны нас познакомил продавец комиссионного магазина, на все лады расхваливавший импортные туфли с маркой «Батя». Выкладывая всю свою эрудицию, он убеждал меня: «Возьмите, не пожалеете... Батю знает весь мир... Король сапожников!» Более основательно меня познакомил с этим «королем»... писатель Турек Сватоплук. Уже после войны я прочитал его романы «Ботострой» (по-чешски бота — обувь) и «Ботострой без Шефа». Со страниц романов «король» предстал голым, во всем своем отвратительном естестве непревзойденного мастера утонченной эксплуатации рабочих. Автор много лет сам работал на Батю, хозяина гигантского чехословацкого обувного комбината.

«КОРОЛИ» И ...БОТИНКИ

Но пришло время, и над воротами комбината, некогда принадлежавшего «королю» сапожников, появилась новая вывеска: «Свит» — национальное народное предприятие. Уже более четверти века город Злин, бывшая вотчина Бати, носит имя первого рабочего президента Чехословакии Клемента Готвальда. Я приехал туда, чтобы рассказать о сегодняшнем и завтрашнем дне «Свита», ежегодно поставляющего советским людям миллионы пар обуви. И вот неожиданно в нашу беседу с техническим директором Вилемом Ганусеком вплелась тема вчерашнего дня, времен Бати. Это, когда за столом появился еще один собеседник — Турек Сватоплук. Писатель живет здесь же, в Готвальдове, рядом с героями своих книг.

...Вилем Ганусек вместе со мной внимательно слушает Сватоплука. Технический руководитель «Свита» начинал трудиться учеником у Бати, и сейчас он вновь погружается в невеселые думы о самой мрачной поре своей жизни. «В 1930-м меня одолела ангина,— вспоминает он.— Я быстро избавился от нее, но вскоре болезнь вернулась во второй и в третий раз. Меня вызвал управляющий и предупредил: «Если опять заболеешь, ищи другую работу».

Сватоплук, худощавый, немного сутулый от долгого сидения за столом, сосредоточенно слушает. О чем он сейчас думает, пожилой человек, старый член партии, писатель необычной судьбы? О судебном процессе 1934 года, когда буржуазия судила писателя за его «Ботострой»? Роман впервые вышел в 1933 году, и сразу же Батя возбудил против автора судебное дело: «Книга оскорбительна для чести фирмы и ее хозяев». Ее изъяли из продажи еще до суда: полицейские проводили обыски у книготорговцев. Сватоплука незамедлительно уволили с работы. Прислужники Бати пытались доказать, что автор — сумасшедший и его надо упрятать в дом умалишенных. При обыске у Сватоплука ничего не нашли, но на всякий случай арестовали. Шеф пригласил в Злин 160 литераторов и заявил: «Я не пожалею денег на оплату достойного ответа автору «Ботостроя». На тяжбу с Батей Сватоплук израсходовал все свои сбережения. Писатель и его адвокат, известный чешский коммунист Секанина (позже он был казнен гитлеровцами), добились чтения на суде полного текста «Ботостроя», надеясь издать роман в форме... протоколов судебных заседаний. Послушный Бате суд решительно встал на сторону хозяина, и протоколы судебных заседаний не увидели света.

...Сватоплук говорит негромко, неторопливо и лишь чуть-чуть повышает голос, когда речь заходит о его втором романе — «Ботострой без Шефа».

— После освобождения Чехословакии я долго работал в заводской газете «Свита». Между прочим, эту газету сейчас редактирует моя дочь Тиха... Для меня работа в газете стала неисчерпаемым источником материалов. Она помогла мне, коммунисту, показать всю остроту политической битвы в первые послевоенные годы. Бывшие фабрики Бати оказались ареной борьбы коммунистов с буржуазной реакцией, с ее прислужниками, пытавшимися вернуть заводы капиталистам. Я хотел показать, как партия выкорчевывала идеологию шефа. Я хотел показать, как коммунисты во главе с Готвальдом нанесли сокрушающий удар по реакции в февральские дни сорок восьмого года.

Слушаю Турека и вспоминаю давно написанные им слова: «В «Ботострое без Шефа» я прежде всего хотел смело сказать правду, укрепить в читателе чувство любви к коммунистической партии и к Советскому Союзу, я хотел разоблачить зло и вредные пережитки».

— В 1972 году роман переиздан,— продолжает писатель.— Когда я сейчас перечитал его, мне показалось, что я прочел новую книгу, притом очень современную... События кризисного для чехословацкого общества 1968 года напомнили мне о том, что я писал много лет назад... В шестьдесят восьмом кое-кто из инженеров сокрушался: «Жаль, что у нас все имеют работу... При Бате можно было отбирать лучших». Некая мадам, бывшая сотрудница Бати, организовывала митинги у могилы шефа. Мадам вздымала руки к небу, всхлипывала и бережно клала розы на могилу «короля» сапожников... Потом раздавались гнусные листовки, резолюции, заготовленные эмигрантами за рубежом, возможно, что и агентами одного из отпрысков шефа, «короля» сапожников,— агентами Яна Бати, обосновавшегося в Южной Америке. Он и сейчас не теряет надежды вернуться в Злин и щедро оплачивает всякие эмигрантские козни против социалистической Чехословакии.

— А в новом романе вы останетесь верны прежней теме?— спросил я Сватоплука.

— Да. Если иметь в виду тему классовой борьбы. Но арена битвы будет другая: Прага времен гитлеровской оккупации. Как и «Ботострой», книга будет автобиографичной...

Так разговор наш вновь вышел на прежнюю орбиту: «Свит» сегодня и завтра. И Вилем Ганусек обрушивает на собеседника поток ошеломляющих цифр. «Свит» — это несколько фабрик и заводов, раскинувшихся на площади в сто гектаров; одно из трех наиболее крупных обувных предприятий мира; тридцать тысяч рабочих и служащих; около шестидесяти миллионов пар обуви в год; каждая вторая пара идет на экспорт в восемьдесят стран мира. И тут Вилем Ганусек переходит к комментариям:

— Наш самый крупный заказчик — Советский Союз. Мы поставляем вам одну пятую годовой продукции.

А коль скоро разговор зашел о Советском Союзе, Ганусек не может не вспомнить май сорок пятого.

— Незадолго до окончания войны американцы разбомбили Злин, уничтожив больше половины цехов. Советская Армия не только очистила Злин от гитлеровцев, но и помогла поставить на ноги производство: сырье для первого миллиона пар обуви дал Советский Союз. Мы этого никогда не забудем.

Это сказано человеком, прошедшим все классы рабочего университета. Когда надо было помочь шахтерам Остравы, Вилем Ганусек перестал делать ботинки и добывал уголь, потом заочно учился в институте, а затем пришел в этот кабинет.

Я сказал Ганусеку, что недавно в «Известиях» была статья слесаря завода «ЧКД-Компрессор», депутата Федерального собрания ЧССР Я. Лингарта. Автор вспоминал, как один из рьяных пропагандистов «пражской весны», Я. Кованда, брезгливо писал о десятках тысяч рабочих, которые заняли командные посты после февраля 1948 года, что они, дескать, «руками работать разучились, а головой не научились».

— Да, были у нас такие «теоретики»... Были...— Ганусек насмешливо ухмыляется, а я мысленно вновь листаю «Ботострой». «Я верю в кулаки. Будь у меня герб, я поместил бы в нем кулак... Личность надо подавить, уничтожить. Иначе Ботострой... не покорит весь мир. Итак, к черту индивидуальность!» Это был девиз шефа Бати.

— Наш девиз — дорогу личным способностям каждого,— говорит заместитель директора «Свита».— Вот поэтому-то наше предприятие и смогло получить в 1971 году дополнительно более восьмидесяти миллионов крон — это результат социалистической рационализации... У нас есть специальная группа инженеров-психологов, которые изучают проблемы, связанные со стимулированием, развитием личности в коллективе.

Ганусек познакомил меня с руководителем этой группы, доктором Индржихом Розсыпалом.

— Психология труда, режим работы и отдыха, охрана труда, исследование проблем взаимоотношений рабочих и мастеров — вот что для нас главное,— говорит доктор Розсыпал.— Изучаем опыт СССР, вашего Института труда... Очень внимательно следим за гигиеной

труда. Батю никогда не беспокоили профессиональные заболевания рабочих, а мы на страже. Чуть что, принимаем меры. Тем более сейчас, когда на производстве появляется много новых материалов...

Новая технология, новые материалы. И особенно в последнее время, когда весь коллектив «Свита» живет большой заботой: марка «Свита» должна быть гарантией отличного, современного. Ганусек показал мне пару дамских туфель с толстой подошвой, большим каблуком, но необычайно легких.

Я взглянул на подошву и спросил:

— Это что, пробка?

— Нет, коркфант, новый материал для подошвы. Его не отличишь от пробки... Хочу обратить ваше внимание еще на одну новинку — барекс. Прекрасный заменитель натуральной кожи. У него большие перспективы. Хорошо выдерживает форму, упрощает уход за обувью, отталкивает воду и практически не промокает. В этом году мы сделаем первый миллион пар обуви из барекса. Ваши женщины будут довольны, и мужчины тоже. Среди моделей, предлагаемых нами советскому «Разноэкспорту» на 1973 год, есть и барекс и коркфант. А всего более тысячи новых моделей... На строгий суд требовательного заказчика. Вы тоже можете посмотреть... Сейчас Зденка совершит с вами интересное путешествие и, между прочим, несколько необычным путем.

Он что-то сказал переводчице Зденке и загадочно улыбнулся. Позже мне все стало ясно: по этажам административного корпуса мы путешествовали, пользуясь лифтом с необычной кабиной... бывшим кабинетом Бати. Шеф любил неожиданно появляться на разных этажах, чтобы, едва перешагнув порог своего кабинета, застать людей врасплох. Это рассказывал Зденке ее отец, работавший у Бати. Сейчас он референт модельного зала, куда мы держим путь.

Модельный зал — один из важнейших цехов «Свита». Отсюда хорошо проглядывается его завтрашний день. Тут вспыхивают жаркие споры конструкторов и ортопедов, модельеров и мастеров. Споры разгораются вокруг пестрой коллекции сапог, ботинок, туфель — две тысячи моделей 1973 года. Одна пятая по выбору специалистов будет включена в программу производства. Я не специалист, но мне показалось, что обувь 1973 года будет более легкой, мягкой, удобной, с большим учетом требований ортопедов. И, конечно, с некоторым учетом времен минувших. На «Свите» бережно собирают и сохраняют модели давным-давно прошедших лет. Зденка привела меня в уникальный, единственный в мире музей обуви. Три тысячи экспонатов из тридцати семи стран, от сандалий из папируса (им более трех тысяч лет), от туфель с длинными носками (четырнадцатый век), от мокасин канадских индейцев, от персидской туфельки с верхом, вязанным крючком, до ультрасовременных.

Здесь, в музее, по-особому начинаешь смотреть, оценивать обувь, тут в шутку тебе скажут, что обувь научила человека ходить уверенно, не боясь поранить ноги о камни. И напомнят поговорку: «Сэкономишь на сапожнике, втридорога заплатишь доктору». И приведут высказывания великих людей об обуви и обувании. И покажут самые большие в Чехословакии туфли: номер пятьдесят семь. Их носит Иозеф Мусил из Моравского района. Ежегодно «Свит» специально для него бесплатно изготовляет пару таких туфель.

...Из прошлого — в будущее. В царство автоматов. Но это уже не в музее. Это в цехе, до которого нам добираться минут пятнадцать по «проспектам», «улицам», «переулкам» города обуви. Зденка утешает меня: «Зато вас ждет там приятный сюрприз...»

Да, это действительно приятный сюрприз: земляки...

Иван Демьянович Сергеев рад нашей встрече не меньше меня. Он из Ленинграда. Их тут три ленинградца, монтирующих советскую полуавтоматическую линию для производства клеевой обуви — последнее слово техники в обувной промышленности. Ленинградцы уже сработали немало таких линий. Одна ушла в ГДР, а две — в Чехословакию. Интеграция в действии! Для «Свита» это решение острой проблемы — нехватка рабочей силы. Ленинградские машины выполняют большинство операций без прикосновения человеческих рук, резко возрастает производительность труда.

А что скажет по этому поводу Петрасек Иосиф — он стоит рядом с нами, много повидавший на своем веку мастер.

— Отличная линия! Но кто сказал, что это потолок?— И он дружески обнял Сергеева.— Кое-что можно усовершенствовать. И я думаю, что силами ваших и наших специалистов это будет сделано. Как считаешь? Согласен?

Сергеев тоже так считает. Но... И мгновенно вспыхивает нечто вроде технической дискуссии, смысл которой мне уловить трудно, но суть проблемы ясна: надо, чтобы автоматы были приспособлены для всех моделей обуви, для каблуков любой высоты.

— Так будет. Интеграция входит в нашу жизнь. Так обязательно будет,— говорит Петрасек.

Интеграция... У руководителей «Свита» по этой части большие замыслы. Вилем Ганусек рассказывал мне о контактах с ленинградским СКБ — общими усилиями внедрить самые совершенные полуавтоматы в производство клеевой обуви. И уже прощаясь, технический директор просил в Москве передать привет профессору, доктору технических наук Юрию Петровичу Зыбину: «Это наш большой друг. У нас его очень высоко ценят. И когда профессор был здесь, в Готвальдове, мы присвоили ему звание почетного обувщика».

...За двадцать пять лет работы рабочие социалистического предприятия «Свит» изготовили миллиард пар обуви. Второй миллиард они обещают сделать за пятнадцать лет. Так считает рабочий класс «Свита», уже давно занявший на «троне» место «короля» сапожников.

Директор «Свита» Ярослав Грушка показывает новые модели обуви Генеральному секретарю ЦК КПЧ Г. Гусаку.

Так конструируется ортопедическая обувь.

Одна из тысяч новинок «Свита».

* * *

Когда верстался этот номер, к нам пришла весть о том, что виднейший чехословацкий прозаик Турек Сватоплук скончался. Автор этого репортажа был одним из последних советских журналистов, кто беседовал с писателем.

В зрительном зале.

ГУЛЬЧЕХР

Дома.

Репетиция.

Через минуту съемка...

Н. АЛЕКСЕЕВА,
фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

...Джамилова стоит перед зеркалом, заплетая последнюю косичку. Сейчас она юная Фируза, любимая жена мудреца Улугбека, в спектакле «Мирзо Улугбек» Академического ордена Ленина театра драмы имени Хамзы.

— Снялась в пяти фильмах, в театре работаю с 1966 года. До того как поступить в Ташкентский театрально-художественный институт, танцевала в ансамбле «Бахор»,— быстро сообщает она нам о себе (через несколько минут ее выход на сцену).

В детстве Гульчехра мечтала стать балериной, но не получилось: здоровье подвело. Окончила хореографическое училище, отделение народно-характерных танцев; одновременно участвовала в драмкружке, занималась вокалом. Родственники Гульчехры уже начали беспокоиться: не дело это — увлекаться всем сразу. «Дерево зелено, если оно растет на одном месте. Вот и ты выбирай что-нибудь одно»,— говорили девушке.

Гульчехра выбрала театр.

Однако за год до того, как Гульчехра пришла в труппу театра имени Хамзы, ее пригласили сниматься в кино. «Прозрение», «Свет и тени», «Минувшие дни», «Порыв»...

— Съемки в кино не помешали вашей основной работе в театре!

— Что вы, наоборот. Мне кажется, все прежние увлечения мои пошли на пользу,— говорит она.

И действительно. Пятилетние занятия вокалом придали голосу Джамиловой звонкость и певучесть. Хореографическое же образование помогает ей легко, свободно двигаться на сцене, а почти все героини Гульчехры танцуют, будь то спектакль «Милой моей матушке» или «Шакунтала»... Кино, как объяснила нам актриса, приучило ее к тому, чтобы не лгать самой себе,— экран учит самоконтролю, не терпит «наигрыша», работы «на публику».

— В театре интереснее,— делится с нами Гульчехра.— Ты все время меняешься... Правда, меня пока не совсем радуют героини: уж очень «голубые». Я часто думала: может, внешние данные не позволяют мне играть еще и отрицательные роли! И в связи с этим поняла: не так важно, чтобы актера узнавали на улицах зрители, хотя это считается одним из признаков известности, популярности... Хорошо бы сыграть такую роль, после которой как раз никто бы меня не мог узнать!

Ну, а самое заветное желание — сыграть современницу со сложной, трудной судьбой, сильным характером...

Спектакль «Мирзо Улугбек».

А

ПЛАНЕТЕ БЫТЬ СВЕТЛЕЙ

Николай ФЛЁРОВ

* * *

Ракеты шли к иным планетам,
К скопленью неизвестных звезд.
Был космонавтам,
Как поэтам,
В неведомое путь не прост.

А мне казалось, что, в столетья
Заглядывая по ночам,
Ищу одну звезду на свете,
Иду к пяти ее лучам.

О современность, современность,
В века стремящая разбег,
Наверно, в том твоя и ценность,
Что ты нам день,
И год,
И век.

И так порыв твой легендарен
От дней Октябрьских штурмовых,
Что без тебя бы
И Гагарин
К нам не приблизил звезд иных,

А в гуле революционном,
Чтоб всей планете быть светлей,
Быть может, плыли к звездам сонным
Матросы Красных Кораблей.

Не зря под взлет крутого галса
Низвергший рабства алтари
Великий Крейсер
Назывался
Чудесным именем зари.

Ведь перед ней все звезды меркнут,
И человечеству тогда
Везде, где черный мрак повергнут,
Сверкает
Красная звезда.

И, не одно увидев море,
И не единый океан,
Сегодня свой привет «Авроре»
Несут народы разных стран.

А на пути свершений новых
В отсеках звездных кораблей
Нам вечно плыть
В пятилучевых
Сияньях
Юности своей.

* * *

Все ждешь —
Вот что-то успокоится
В твоей судьбе, в твоей борьбе.
Тогда начнешь,
Тогда откроется
Пока невидное тебе;

И сразу недруги отступятся,
Творенья выявится суть,
Заботы мелкие расступятся,
Большой обозначая путь...
Но в том закономерность странная,
Что, силы новые тая,
Жить помогает
Постоянная
Неуспокоенность твоя.

* * *

«Солнце — на лето, зима — на мороз».
В утренней сказочной дымке
Заиндевевшие стайки берез
Призрачны,
Как невидимки.

«Солнце — на лето...»
Красавица ель
Вся будто в звездах искрится,
Но зашумит, залютует метель —
И на термометре — тридцать!

Полдень — и тот нам тепла не принес.
Снег заблестел — не вглядеться.
«Солнце — на лето...»
Но только мой пес
Просится в сени погреться.

ИОКАНЬГА

Я не знаю, кто легенду
Рассказал о вечном споре,
Долгом споре тучи с ветром,
Жарком споре ветра с морем:

Мол, когда такие споры
Затевают злые духи,
То в Иоканьге нет края
Непогоде-заварухе.

Это верно,
Никогда мне
Снега не встречалось выше:
Здесь торчат печные трубы
Из сугробов — не из крыши.

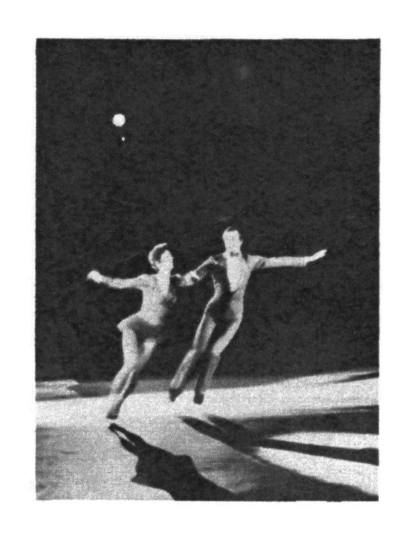
Но не в том была легенда,
Что живут здесь духи злые,
А что люди тут сильнее,
Чем все вихри штормовые.

И несет их в непогоду
От селенья до селенья,
От колхоза до колхоза
Вездеходочка оленья.

И знакома им любая
В заполярной тундре кочка,
Как места знакомы в море —
Где есть палтус, где тресочка.

И не ждет никто погоды.
С ней борясь тут год от году,
Моряки идут в походы,
Рыбаки идут в походы,
Люди
Делают
Погоду.

И глядят седые скалы —
Вековые монументы,
Как вскипает жизнь большая,
Что сильней
Любой легенды.

СОВЕТСКИЙ СТИЛЬ

Фигурное катание за последние годы стало одним из самых популярных спортивных зрелищ. Отныне фигуристы на равных соперничают даже с хоккеистами. И особенно выросло число поклонников этого спорта с тех пор, как появилась в программе соревнований новая его разновидность — танцы на льду.

Всего двадцать лет назад впервые на чемпионате мира по фигурному катанию приняли участие танцоры, а теперь выступления спортсменов, вплотную приблизившихся к границам хореографического искусства, ждут с нетерпением сотни тысяч зрителей.

На нашей четвертой обложке — самые блестящие представители самой молодой ветви фигурного катания — танцев на льду — чемпионы мира и Европы Людмила Пахомова и Александр Горшков. Кому сейчас не известна эта спортивная пара? А ведь они выступают всего шесть лет! Чего же они добились за этот небольшой срок? К чему теперь стремятся? На что рассчитывают в будущем? Ответить на эти вопросы мы попросили тренера Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова заслуженного тренера СССР Елену Анатольевну Чайковскую.

— Да, танцы на льду — спорт молодой. В 1966 году Людмила Пахомова выступала в паре с Виктором Рыжкиным, только в следующем сезоне она стала кататься с Александром Горшковым, а сейчас наша пара создала совершенно новый стиль танцев на льду.

Если бы еще пять лет назад англичанам сказали, что скоро придет конец их лидерству в танцах на льду, они, наверное, сочли бы такое заявление неумной шуткой. Английские фигуристы действительно являются создателями стиля танца, отличающегося плавным, непринужденным скольжением, ритмичностью и какой-то особой благородной элегантностью. Основу этой манеры заложили еще первые чемпионы мира Д. Уествуд и Л. Демми, а особого блеска сумели достичь хорошо известные любителям фигурного катания Д. Таулер и Б. Форд.

Казалось бы, что танцы на льду, отличающиеся от парного катания тем, что в них не применяются параллельные прыжки, высокие поддержки и сложные вращения, не могут развиваться в сторону технического усложнения и поэтому английские фигуристы должны сохранить свои позиции и места на высшей ступеньке пьедестала почета. Но нам удалось после упорных и последовательных поисков, каждый год создавая новую программу, выработать свой, советский, стиль, который отличается значительно большей танцевальностью и в отличие от набора движений под музыку точным совпадением движений с каждым музыкальным куском.

В 1970 году на чемпионате мира Людмила Пахомова и Александр Горшков впервые стали чемпионами мира, затем они завоевали и первенство Европы. За эти годы мы выпустили пять программ и сейчас создали шестую, с которой Людмила Пахомова и Александр Горшков уже дважды выступали на отечественных соревнованиях. Она состоит из четырех частей: танго, марша, старинного русского романса и русской плясовой.

Впереди большой, интересный сезон. После первенства СССР, которое на этот раз проводится в Ростове-на-Дону, советские фигуристы выступят на чемпионате Европы в ФРГ и на первенстве мира в Чехословакии. Мы надеемся, что на ближайшем заседании Международного олимпийского комитета будет наконец решен вопрос о включении танцев на льду в программу Белых олимпиад.

Мы готовы к выходу на олимпийскую арену.

ПРИВЕТ ИЗ МАРСЕЛЯ

Люсьен ПЮССИАРЕЛЛИ

Фото Д. УХТОМСКОГО, специального корреспондента «Огонька».

Недавно в нашем порту стояло советское судно «Донецкий шахтер». Оно доставило из Ильичевска оборудование для крупного промышленного комплекса в Фосе. Я пишу об этом не потому, что это сенсация. Нет, связи Марселя с Советским Союзом имеют долгую историю. Она начинается с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции, когда моряки и портовые рабочие Марселя выражали свою солидарность со Страной Советов. Ее яркой страницей является пребывание в нашем городе Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Малейшие подробности этого визита мы до сих пор храним в нашей памяти.

«Донецкий шахтер» — это только лишь одно проявление тех многосторонних, глубоких дружественных и деловых связей марсельцев с советским народом. Нашим городом-побратимом является героическая Одесса. Моя газета «Марсейез» («Марсельеза»), сотрудником которой я являюсь, подготовила специальный номер, который был посвящен 50-летию образования СССР. Но мы не забываем вашу великую страну ни в одном номере газеты, сообщая читателям о достижениях и впечатляющем прогрессе, достигнутых советским народом во всех областях жизни.

Я упомянул судно «Донецкий шахтер» еще и потому, что представители его команды передали мне просьбу редакции журнала «Огонек» прислать им письменный привет из Марселя, рассказать о жизни нашего трудового народа.

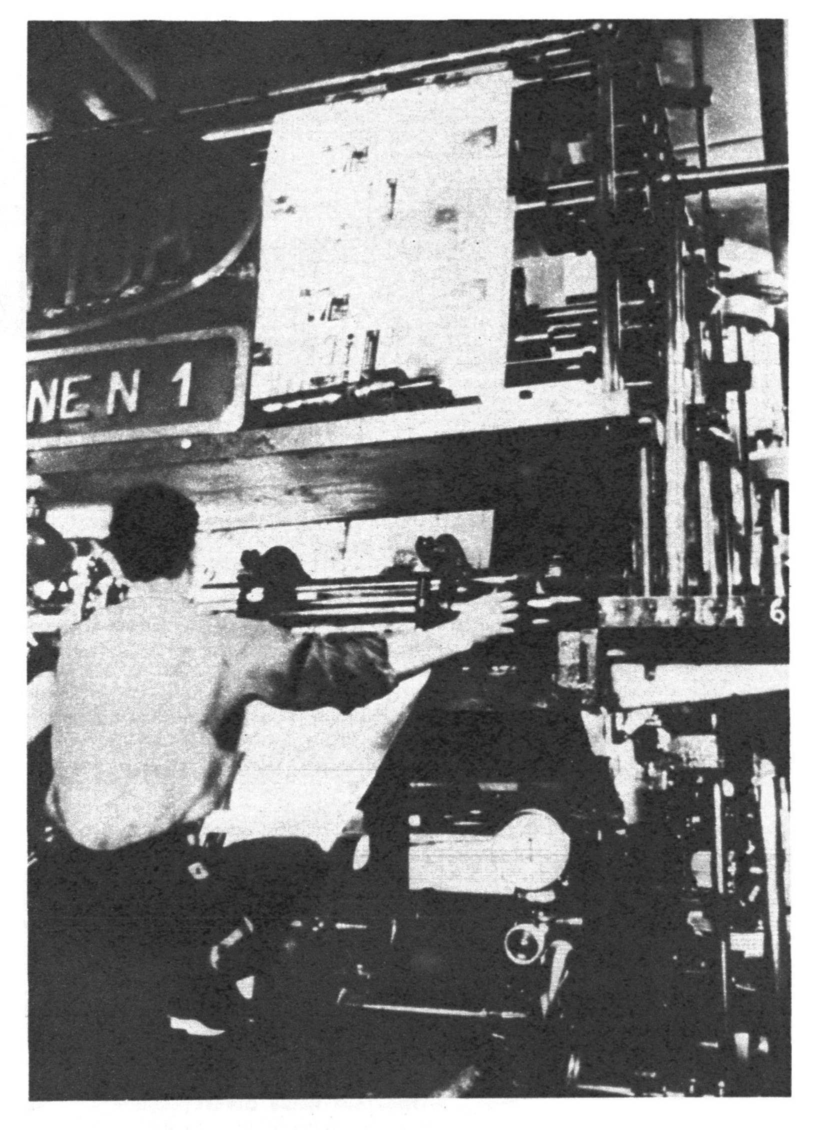
Марсель, где еще живы некоторые участники восстания французских моряков на Черном море, изменился, похорошел, приобрел современный облик и сегодня насчитывает миллион жителей. Строительство промышленного комплекса в Фосе, несомненно, открывает новые перспективы с точки зрения промышленного развития. Традиционные отрасли, такие, как каменноугольная, производство мыла, химических продуктов, практически исчезли, и еще велик процент безработицы. Именно поэтому строительство комбината в Фосе, несомненно, великий шаг вперед. Но коммунисты Марселя требуют расширить индустриализацию города.

Мы, марсельцы, любим работать и в общем-то всегда были и остаемся большими оптимистами. Мы верим в будущее и знаем, что оно будет прекрасным, ибо лучше социализма нет ничего на свете. У нас еще существуют нерешенные проблемы. На красивом проспекте, который ведет к прекрасному заливу, омывающему наш город, возвышаются роскошные здания, принадлежащие богачам. И вовсе не лишним будет упомянуть здесь о том, что во втором городе Франции пустует около 20 тысяч новых квартир, потому что их цена, а для некоторых и квартплата слишком высоки.

Мы в Марселе боремся также и против клеветников на советский народ. Большой вклад в это вносит и моя газета «Марсейез» (в прошлом подпольная газета движения Сопротивления, первый легальный номер которой вышел 16 августа 1944 года, когда патриоты с оружием в руках заняли здание профашистской газеты «Пти-марсейез» и когда еще немецкие орудия обстреливали город из форта Сен-Никола). Мы, ведя борьбу за свободу, демократию и прогресс, всегда помним о необходимости разоблачать антисоветские клеветнические измышления и сообщать читателям правду о первой стране социализма, где все делается для блага человека.

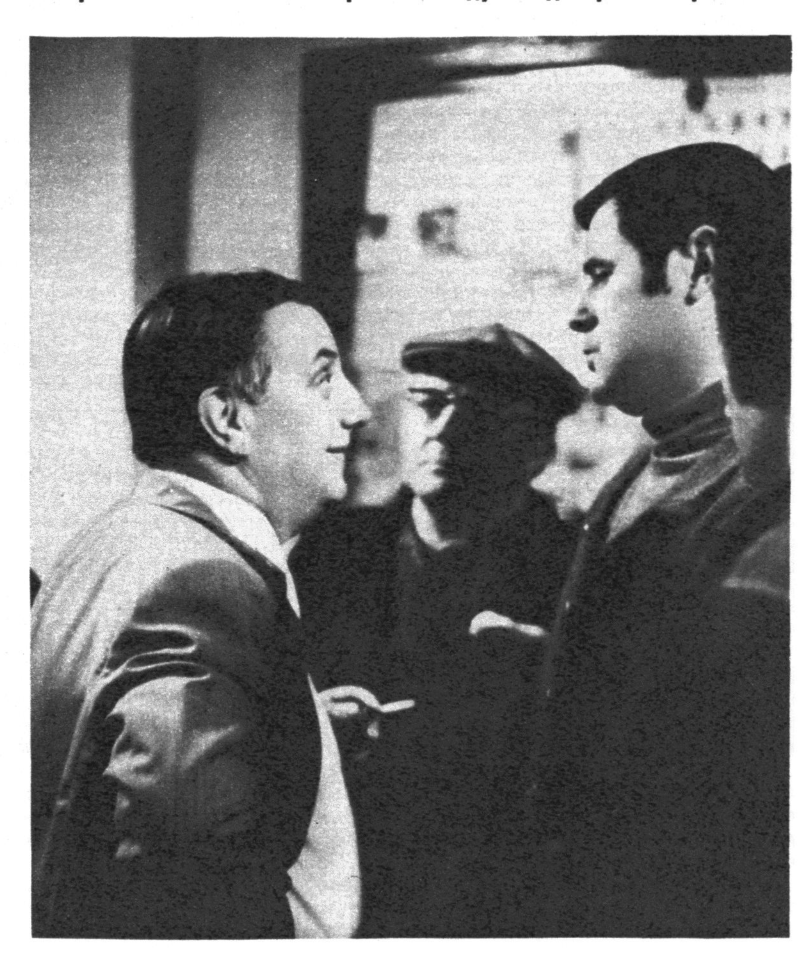
Конечно, и у вас есть свои проблемы. И это в порядке вещей. Самое главное — это то, что, уничтожив в 1917 году капиталистический строй, вы открыли путь для всех других народов. Благодаря Советскому Союзу, его внушительной Программе мира соотношение на международной арене меняется в пользу новых сил, скромной частью которых являемся мы в Марселе.

Именно поэтому, дорогие друзья и читатели «Огонька», вы поймете, почему советские моряки, туристы, представители рабочих, деятели культуры и искусства, прибывающие в наш город — побратим Одессы, встречают самый горячий, самый братский прием. И поэтому пусть крепнет наша бесценная дружба!

Здесь печатается газета «Марсейез».

Автор статьи Люсьен Пюссиарелли беседует с докерами Марселя.

С народом, с партией

Гелий КОРЖЕВ,
председатель правления Союза художников РСФСР

Мы живем в эпоху острейшего идейного столкновения сил прогресса и реакции. Она обнажила и выявила до предела мировые социальные противоречия. «Добиваясь утверждения принципа мирного сосуществования,— отмечает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— мы отдаем себе отчет, что успехи в этом важном деле ни в коей мере не означают возможности ослабления идеологической борьбы. Напротив, надо быть готовыми к тому, что эта борьба будет усиливаться, становиться все более острой формой противоборства двух социальных систем».

Нам поручено историей участвовать творчеством в воспитании нового человека — строителя коммунистического общества, в формировании у широчайших масс трудящихся коммунистического мировоззрения.

«Сила партийного руководства,— говорится в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду партии,— в умении увлечь художника благородной задачей служения народу, сделать его убежденным и активным участником преобразования общества на коммунистических началах». Что можно противопоставить как равное или хотя бы близкое по значению, высоте и благородству задачи этому призыву партии?

Сегодня особенно очевидно, что художники, критики, искусствоведы — деятели литературы и искусства находятся на одном из острых участков идеологической борьбы.

В связи с этим непрерывно возрастает наша ответственность за высокое идейно-художественное качество советского многонационального искусства, которое несет людям не некую абстрактную правду, существующую вне времени, но ясную, конкретную, классовую правду нового, коммунистического мира, правду, способную увлечь человечество к его реальным целям...

У всех еще свежи в памяти впечатления о том большом творческом отчете, с которым выступили художники Советской России в дни всенародного празднования столетия со дня рождения В. И. Ленина.

Для нашего коллектива этот отчет стал также итогом работы за десятилетний срок со времени образования Союза художников Российской Федерации. За эти годы Российский союз художников окреп и возмужал. Он сложился в сплоченный творческий коллектив. В этот срок художники России подготовили и организовали тридцать зональных и четыре республиканские выставки «Советская Россия». Выставочная деятельность является, на наш взгляд, наиболее убедительным показателем возросшей творческой активности живописцев, графиков, скульпторов, художников театрально-декорационного и декоративно-прикладного искусства. За четыре года были организованы четыре выставки в Центральном выставочном зале столицы. Каждый год — по огромной, ответственной, представительной выставке!

Если мы пройдем мысленно по залам первой, второй, третьей, четвертой выставок «Советская Россия», мы увидим, как внутренне сложно и вместе с тем последовательно и неуклонно идет процесс идейно-художественного обогащения российского изобразительного искусства.

С февраля 1970 года по ноябрь 1972-го, меньше чем за два года, были подготовлены и проведены: выставка произведений художников шестнадцати автономных республик, выставка произведений художников Урала, Сибири и Дальнего Востока и, наконец, открывшаяся в канун 55-й годовщины Октября выставка «По родной стране».

Кроме того, в Москве и Ленинграде проведены республиканская выставка плаката, республиканская выставка рисунка, республиканская выставка скульптуры малых форм и республиканская выставка произведений молодых художников.

Такой интенсивной выставочной деятельности наша организация не знала.

IV республиканская «Советская Россия» 1970 года не только обогатила наше искусство новыми значительными произведениями. В истории искусства будет иметь не меньшее значение идейно-творческая мобилизованность, характерная для этого периода деятельности коллектива российских художников.

Большим событием в культурной жизни Российской Федерации стала выставка произведений художников шестнадцати автономных республик. В истории не было подобных смотров национальных искусств народов Советской России. Выставка явилась торжеством ленинской национальной политики в области культуры.

Социалистическая революция раскрепостила творческие таланты больших и малых народов нашей страны. Многие из них до революции не имели вообще профессионального изобразительного, музыкального, театрального искусства, не имели даже своей письменности.

Теперь предстало удивительно светлое по ощущению, по своему настрою искусство свободных народов, чье творчество развивается поистине невиданными темпами.

В дни общенародного праздника — 50-летия образования СССР — особенно было радостно отметить плодотворный опыт совместной творческой работы мастеров разных национальностей Российской Федерации.

Братское взаимоуважение больших и малых народов, творческое содружество культур, составляющих единую социалистическую культуру, являются в наши дни залогом существования и развития нашего многонационального, социалистического искусства. И отмечая эти большие успехи в сближении культур братских народов нашей Родины, мы всегда помним о месте русской культуры в этом процессе, о выполнении русским народом своего братского интернационального долга.

С открытой душой шли русские музыканты, поэты, художники навстречу всему светлому и прогрессивному, что несло человечеству идею свободы и равенства. Восхищенно вслушивались, вчитывались, всматривались в достижения творческого гения других народов, обогащались ими и, в свою очередь, обогащали их. Эта чрезвычайно сильная и характерная черта стала осознанной частью эстетической программы художников второй половины XIX века.

Мастерство — это, разумеется, не только чистый профессионализм. Хотя, несомненно, он является одним из важнейших компонентов мастерства.

Понятие мастерства включает в себя и общую культуру художника и его общественно-политическую зоркость.

И глубокое понимание своего современника.

Сегодня во многих коллективах тружеников работают творческие бригады художников разных специальностей, задавшиеся целью создать художественную летопись повседневного труда и жизни советских людей. Создано 42 бригады, в них входит более 500 художников. Интересная работа идет в московской бригаде молодых художников на Автозаводе имени Лихачева, они специально готовились к выставке «По родной стране». Произведения москвичей, ивановцев, художников из Череповца, показанные на выставке, богаты непосредственным впечатлением, искренностью рассказа о заводских буднях, о работе современного гигантского предприятия. Сама жизнь, историческое развитие общества открывают нам тему рабочего класса как важную тему современности. Рабочий класс сегодня выступает носителем высших принципов труда коллектива, носителем тех черт, которые становятся особенностью и характеризуют личность советского человека... Это исторический факт. И задача советских художников — рассказать о нашем рабочем классе, раскрыть эту тему во множестве реальных, значительных и житейских граней. То, что представлено на выставке, только начало, и поэтому мы не будем спешить с выводами и широкими обобщениями. Но хочется отметить, что постоянное общение с коллективами тружеников, безусловно, поможет мастерам искусства создавать правдивые произведения.

Прошедшие четыре года для молодых художников России были годами интенсивной творческой работы и серьезных успехов в искусстве. Важен качественный уровень искусства молодежи, идейно-художественные достоинства их произведений. И если с этой точки зрения оценивать творчество молодых художников, надо признать, что большинство работ свидетельствует о свободном владении не только мастерством, но и острым чувством современности. Нынешнее поколение молодежи в целом последовательно и осознанно обращается к отечественным и мировым традициям реалистического искусства. Это особенно отрадно подчеркнуть, потому что мы знаем периоды, когда именно молодежь оказывалась наиболее подверженной модернистским веяниям.

Всероссийская выставка показала, что тяготение к значительным художественным обобщениям приобрело в творчестве наших молодых характер ведущей тенденции.

XXIV съезд партии определил одной из главных задач деятельности работников искусств всемерную заботу об идейно-художественной полноценности произведений. В этом требовании сконцентрировано все многообразие творческих проблем, определена главная цель нашей работы.

Неразрывная духовная и практическая связь с народом и партией — главный, определяющий фактор существования и развития советского искусства...

О. Ломакин. СТРОИТЕЛЬ ИВАНОВ.

Художественная выставка «По родной стране».

На развороте вкладки: **Н. Соломин.** ГЛАВНЫЙ КОНВЕЙЕР (фрагмент).

Художественная выставка «По родной стране».

А. Романычев. УТРО.

СПОРТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Глава VI

Однажды Скотти исчез, внезапно, совсем как малыш Тэфф. Сначала мы подумали, что он просто решил прогулять дня два-три, но потом Энгус Пири сам явился в полицию и сообщил, что вот уже четыре дня и три ночи, как Скотти нет дома.

— Бедная женщина,— сказала моя мать, думая о том, каким паническим страхом, наверно, охвачена миссис Пири, как она долгие часы проводит на веранде ободранного домика и уже глаза проглядела, надеясь, что Скотти появится на дороге или со стороны реки.

Первое, о чем подумали все, была река. Могло случиться, что Скотти, во время рыбной ловли, ныряя, запутался в корягах и утонул. Или же его укусила змея, и он лежит где-нибудь, умерщвленный ядом, как сам он думал одно время о Тэффе.

— Это не похоже на Скотти!— возражал мой брат Том.— Он просто ушел искать Тэффа, вот и все.

— Но ведь прошло уже много месяцев с тех пор, как пропал Тэфф,— говорили мы хором.

— И все-таки он отправился на поиски!— упрямо повторял Том.

Мы решили, что и сами поступили бы так, а уж о Скотти и говорить не приходилось. Он, видно, добрался зайцем в поезде до ближнего города Тэско и стал искать там по виноградникам. В Тэско жили четыре или пять валлийских пони, поэтому Скотти и направился туда. Потом мы узнали следующее: один виноградарь застал Скотти под навесом, где у него сушился виноград; Скотти поедал полувысохшие гроздья, давясь и морщась от отвращения — виноград был опрыскан фосфатами. Виноградарь позвонил в полицию, и наутро Скотти доставили в Сент-Хэлен. Наши полицейские назвали его скверным маленьким вредителем, угостили несколькими ударами палкой по заду и отпустили домой.

Но через неделю Скотти пропал снова. И снова нам в школе пришлось ломать голову и спорить о том, где он сейчас и почему.

— Вернее всего пошел на ферму к Айрам,— решил Боб Рансимэн, низенький левша, имевший привычку все знать наверняка.

— А может быть, махнул на молочную ферму к Тэйлорам, что на реке, пониже Муррея?— осмелился предположить я.

— Слишком все просто,— вмешался Том.— Скотти отправился в Лайа, там живет миссис Стэйн. Вы ведь помните ее — она прямо без ума любит пони, их у нее уже четыре штуки.

На самом же деле Скотти обшаривал заросли вверх по реке: кто-то сказал ему, что видел бродячего охотника за кроликами, ехавшего верхом на пони. Такие охотники изредка появлялись в городе с большими связками кроличьих шкурок и продавали их Дормену Уокеру и другим торговцам по шиллингу за одного. Может быть, такой охотник и увел Тэффа...

Когда Скотти вернулся, он сказал, что охотника, который ездил бы на пони, он не нашел. Мы спросили, не думает ли он, что кто-то просто выдумал этого охотника.

— Один, с которым я встретился, ездил на велосипеде,— равнодушно ответил Скотти.

— Как? По зарослям?

— Да. На велосипеде с хорошими шинами и запасным колесом. У него было двадцатидвухмиллиметровое ружье, и он питался разными птицами...

Скотти по-прежнему ходил в школу пешком. Те, кто видел его в городе, заметили, что он словно все время спешит куда-то по важному делу. Он исчез в третий раз в среду, а в пятницу в город, прямо к нам в дом, пришла миссис Пири и спросила у матери, не сможем ли мы, я с Томом, поискать Скотти на реке или возле фермы Айров. Мать пригласила миссис Пири подождать, пока мы вернемся из школы. Мы нашли ее в гостиной, где она пила чай с нашей матерью; на ней были черное платье, черные чулки и ботинки, подбитые кусками резины от старой шины. Она была мала ростом, и на голове у нее красовалась черная соломенная шляпка с потрескавшимися полями и двумя вишенками сбоку. Глаза ее смотрели куда-то вдаль, словно не замечая ничего вокруг себя.

Когда мать передала нам ее просьбу, Том тут же изложил свой план: переплыть до темноты реку, походить вокруг фермы Айров, заглянуть в заросли...

— Вы не станете переплывать реку,— остановила его мать,— а перейдете ее через мост, потом попросите у Айров разрешения походить по их владениям.

Тут пришел отец. Он сказал, что проще всего позвонить по телефону Айрам и спросить, не поручат ли они кому-либо из скотоводов поискать Скотти.

Он позвонил Эллисону Айру, и тот обещал утром послать на поиски Блю Уотерса. Отец повесил трубку и спросил, удовлетворена ли миссис Пири. Та молча кивнула, но смотрела на телефон так, словно этот равнодушный аппарат отнял у нее последнюю надежду. Потом она поднялась, и мы проводили ее до калитки. Она не плакала, вид у нее был скорее растерянный, чем пришибленный.

— Не тревожьтесь, миссис Пири,— сказал Том.— Скотти вернется. Он найдет Тэффа и вернется.

— Но что же он ест там и где спит?— горестно спросила мать Скотти.

Ее жесткий шотландский акцент не был еще смягчен протяжными австралийскими гласными, к тому же она проглатывала и согласные. Я чувствовал, что ее не так уж тревожит отсутствие Скотти — его отлучки стали просто новым постоянным бременем в ее тяжелой жизни.

Миссис Пири все время трогала пальцами брошь, которую мы заметили на воротнике ее черного платья. Брошь была сделана из серебряной проволоки, с надписью «Эйлин». «Кто она, эта Эйлин?»— подумалось, наверно, каждому из нас...

Скотти вскоре отыскался, и именно в городке Лайа. Там шли состязания, устраиваемые для местных и приезжих лошадников, бывали там и скачки и бега пони. На этот раз для них было намечено три заезда. Скотти быстро и без успеха просмотрел первую группу валлийских пони и стал ждать прибытия остальных — из дальних районов. Он приглянулся владельцу гаража и трех пони, Энди Мэгуайру. Тот предложил Скотти, бродившему возле загонов, заработать несколько шиллингов, ухаживая за его лошадками, которые тоже готовились к состязаниям.

На ипподроме все еще ждали дальних пони, но Скотти скоро ушел от Мэгуайра: ему не понравилось то, что этот человек, выдававший себя за любителя лошадей, ничего не смыслил в них и вообще выглядел круглым дураком, как отозвался о нем Скотти впоследствии.

От нечего делать Скотти заинтересовался козлиными бегами. Некий Джоррокс, путешествовавший по нашему штату со своей «конюшней» козлов, подумал, что Скотти — местный мальчик, и предложил пойти к нему в жокеи с оплатой в два шиллинга за заезд. Скотти надлежало состязаться с другими мальчишками, сидя на легкой двуколке, в которую впряжен козел. Юные жокеи должны были изо всех сил подгонять своих рогатых рысаков, и делали они это с неистовыми воплями, имитируя козлиное блеяние. Был и еще один способ добиться призовой скорости — накручивать козлу хвост.

Скотти выиграл первый заезд, за что полагалось особо пять шиллингов, и остался при Джорроксе на четыре дня. Потом его козел приходил первым еще раза три подряд. Скотти объяснил нам свой успех тем, что придумал особую тактику: он начинал крутить хвост козлу только тогда, когда тот был в пятидесяти футах от финиша.

Домой Скотти пришел вместе с каким-то разъездным агентом, продававшим швейные машины Зингера. Через несколько дней он уже явился в школу, но, по-моему, это был какой-то немного другой Скотти, к тому же ежеминутно меняющийся.

Мой отец хорошо понимал, что с ним происходит, и однажды вечером сказал за ужином, что если так будет продолжаться и дальше, мальчишка кончит заурядным австралийским бродягой на большой дороге.

— Чистая потеря,— так сказал об этом отец, и, чтобы преподать нам с Томом еще один полезный урок, добавил, что тяга к бродяжни-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

честву — родная сестра бунту против общества.— Тут ничего нет,— сказал он в заключение, принимаясь за йоркширский пудинг,— кроме позорной снисходительности к самому себе.

Мы, как всегда, молчали и только вздыхали во время таких отцовских проповедей. Мы тогда просто завидовали Скотти с его авантюрными путешествиями, сколь ни тяжело было вспоминать печальные глаза миссис Пири и ее пальцы, поглаживавшие брошь с надписью «Эйлин».

— Я бы не осуждала Энгуса Пири за то, что происходит с его сыном,— сказала после молчания моя мать, обращаясь к отцу, который сделал несколько строгих замечаний и в адрес Энгуса.

— Дело не в придирках,— подчеркнул отец.— Дело в фактах, и только они имеют значение. А факт тот, что мальчик может стать профессиональным бездельником, если он не исправится.

Прошла неделя. Скотти вел себя так, как все городские мальчишки из бедных семей и мальчишки из зарослей, которым город не обещал в будущем ничего — ни работы, ни какой-либо надежды вообще. Подрастая, они занимались тем, что толпились по субботам возле пивных, восторженно глазея на «чемпионов», состязавшихся в количестве поглощенных кружек, и на алкоголиков, допивавшихся до потери сознания. Постепенно эти подростки вступали в мелкие разногласия с уголовным правом. Однако Скотти в те дни предпочитал часами пропадать в зарослях.

Видимо, Скотти все-таки твердо решил отыскать Тэффа, чего бы это ему ни стоило. Это и послужило причиной его дальнейших исчезновений. Тут не было никакого снисхождения к себе, как думал мой отец, да и не был Скотти прирожденным бродягой. Во всяком случае, еще не стал.

Он снова ушел — на этот раз далеко, за пятьдесят миль, в штат Новый Южный Уэльс, в город Мундоо, где ежегодно бывали скотоводческие ярмарки и где огромное множество лошадей и пони переходило из рук в руки. Неизвестно, как Скотти добирался туда,— всегда молчаливый и неприступный, он ничего не сказал нам об этом. К этому времени его родители как будто примирились с его исчезновениями, хотя мы знали, что каждый раз, возвратясь домой, блудный сын получал изрядную порку ремнем от своего худого, изможденного, уже почти беззубого отца.

В школе Скотти отнюдь не был в числе тупых и отсталых учеников, он был по-своему умен и далеко не бездарен. Но школа в то время ничего не могла ему предложить — ни помощи, ни отвлечения от его беды. Однажды директор резко отчитал его перед строем учеников — шла церемония назиданий школьным сорванцам.

— Как сможешь ты найти когда-либо работу? — говорил директор.— На почте или на железной дороге? Скажи мне сам, Скотти Пири.

Скотти Пири ничего не мог ответить ему на это.

Директор в общем-то выполнял свой служебный долг, но на некоторые проделки Скотти смотрел сквозь пальцы. Когда тот пропускал день-другой, некоторые учителя тоже мирились с этим. А другие просто махнули на него рукой, как на неисправимого.

На ярмарке в Мундоо Скотти перебивался случайными заработками — поил овец и лошадей, мыл фургоны, подметал площадки для скота. Однажды он, правда, проговорился нам, что половину из пятидесяти миль прошел пешком. Один из тамошних полицейских разузнал, кто он есть, и Скотти пришлось ночью сбежать, на этот раз домой. Так или иначе, он не обнаружил ни малейшего следа Тэффа.

Я думаю, что долгий и трудный обратный путь (тридцать миль за три дня, остальные двадцать его подвез какой-то фермер) совершил перелом в душе Скотти Пири. Он наконец осознал, что Тэфф не просто затерялся, а пропал навсегда. Скотти оставалось думать о том, как ему самому жить дальше.

Глава VII

Надо отдать справедливость Скотти: он ни разу не обвинил Дормена Уокера, как это делало большинство наших ребят. Вообще не было видно, чтобы его снедала жажда комунибудь мстить. Теперь он больше времени проводил в городе, искал случайных заработков, но чаще всего бродил среди особняков, заглядывал на задние дворы. Почему он так себя вел, мы стали догадываться. Он все-таки сосредоточил свои помыслы тринадцатилетнего мальчонки на складе Дормена Уокера (кстати говоря, этот склад был самым большим строением в городе).

Все мы знали, что Скотти совсем нетрудно было пробраться в это темное, прохладное хранилище. Склад был заполнен мешками с пшеницей, мякиной, овсом, ячменем, отрубями. Один конец был завален новыми и старыми сельскохозяйственными машинами, тракторами, ящиками, бочками. Даже запах в этом здании приводил нас в восхищение, когда приходилось там бывать.

Скотти уже несколько раз пролезал в склад, то ли через отверстие, образованное отставшей полосой гофрированного железа в стене, то ли через окно в крыше, или, может быть, через заднюю дверь, где стояли большие весы. Мы узнали потом, что он каждый раз оставался в складе с полчаса, прохаживаясь мимо нагромождений мешков, разглядывая косилки, жатки, тракторы. Конечно, было бы занятно проделывать все это в компании с каким-нибудь другим мальчишкой, а не в одиночку; но таков уж был тогда душевный настрой у Скотти — у него все больше пропадал интерес к своим сверстникам.

Честно говоря, Скотти забирался в склад с целью как-то навредить Дормену Уокеру и тем разрядить кипевшую в нем обиду и чувство безнадежности. Но что он мог испортить в складе? Скотти вообще не был разрушителем. Он однажды сам отказался исполнить свою же затею — устроить бомбардировку камнями крыш особняков на Вильсон-стрит единственно с целью напугать обитателей. Его удержало то, что камни могли раздробить черепицу. И все-таки мысль досадить Уокеру завладела им.

Однажды вечером Скотти после долгих усилий удалось завести один из стоявших в складе тракторов. Дормен Уокер отдыхал в это время в помещении своей конторы напротив, когда в складе раздался оглушительный грохот. Старик до того перепугался, что даже не решился выйти и заперся в конторе. Но грохот испугал и самого Скотти — он молнией выскочил через чердачное окно, пробежал по соседним крышам и скрылся. Увы, это бегство испортило ему сладкое злорадство над поверженным врагом. И он тут же решил придумать что-нибудь еще. Однажды хозяин склада увидел на его стене большую надпись, выведенную детским почерком: «Дормен Уокер — это...»

Мы так и не узнали, что должно было в надписи следовать за словом «это»: возможно, автора кто-то спугнул, либо же ему просто не удалось придумать что-нибудь обидное. Мы, конечно, единодушно решили, что это — дело рук Скотти. Вскоре, высмотрев Скотти на улице, торговец зерном повторил маневр мясоторговца Александера — он устроил такую же охоту в автомашине на Скотти, на этот раз удиравшего пешим порядком. Вообще Скотти этих дней остался в моей памяти в образе сгорбившейся, бегущей вприпрыжку маленькой фигурки и мелькающих босых ног, словно их хозяин спешил куда-то по неотложному делу. Теперь стоило Скотти появиться в городе, как кто-нибудь устремлялся за ним, и он сворачивал в сторону и исчезал, как только один он умел делать это.

Вместе с тем у него оставалось в городе немало доброжелателей, и, когда кто-нибудь гнался за ним, можно было с разных сторон слышать подбадривающие возгласы:

— Валяй, Скотти! Быстрей беги, не давайся этому лопоухому!

Это удивляло Скотти, и он даже старался разглядеть, кто это кричит, кто на этих улицах заботится о нем и опекает его.

— Хэлло, миссис Смит! — успевал он крикнуть на ходу в ответ.— Хэлло, мистер такой-то...

Было, в общем, ясно, что город не может ни урезонить его, ни совладать с ним, а тем более чем-либо привлечь его и успокоить. Он был оторван теперь от нас больше, чем когда-либо. И так длилось до тех пор, пока Скотти пришлось вплотную столкнуться с Джози Айр и ее пони. Встреча стала поворотным моментом в описываемых событиях.

Произошло это на той же ежегодной сельскохозяйственной выставке в Сент-Хэлен, где Скотти должен был в прошлом году выступить с Тэффом на скачке, но уклонился от этого. В городе была отведена для выставки постоянная территория, окруженная высокой деревянной стеной. Внутри был довольно вместительный ипподром, используемый и как футбольное поле, трибуны, в том числе одна для почетных гостей, и десяток других строений под экспонаты — образцы пшеницы, шерсти, фруктов, масла, цветов, овощей, всяких джемов и кексов домашнего приготовления. Хватало места на выставке и для проведения различных конкурсов — сторожевых овчарок, рогатого скота, овец... Но главными и самыми посещаемыми были конные состязания — скачки и рысистые бега.

Меня интересовали только эти состязания. И я знал, что Эллисон Айр тут является моим единомышленником,— все прочее на выставке он просто презирал. Только чтобы поддержать свой вес в глазах горожан, он присылал на выставку несколько голов рогатого скота, несколько овец, собак. Зато он души не чаял в турнирах на ипподроме, участниками которых были лошади. На этот раз были приведены две чистокровные лошади из его конюшни. Но он привез на выставку и Джози, которая собиралась участвовать в состязаниях пони, ходивших в упряжке. Разумеется, Джози прибыла в своем новом желтом экипаже. Это стало в некотором роде гвоздем всей программы.

Она позволила перенести себя на трибуну — посмотреть на бег их призового рысака Флика и подождать там, пока наступит время ее заезда.

Том, Скотти и я облюбовали себе укромное местечко под большой трибуной. Здесь мы могли сидеть, не обращая на себя внимания конюхов, которые терпеть не могли, чтобы мы, мальчишки, вертелись возле лошадей. Правда, накануне вечером мы были в числе добропорядочных мальчиков, которым поручили обойти песчаную беговую дорожку и аккуратно подобрать все ненужное, что могло валяться в песке,— гвозди, отлетевшие подковы, куски стекла, острые камни. Мы все это проделывали благоговейно, хорошо зная, что случилось бы, если у беговой двуколки лопнула бы шина. Было очень страшно представить себе, как какого-нибудь жокея вместе с опрокинувшейся двуколкой волочит за собой обезумевшая лошадь, а на жокее начинает от трения о песок дымиться одежда...

Эллисон Айр уже выехал на дорожку на своем чистокровном иноходце Флике, который выглядел свежим, ухоженным и был удивительно красив. Сбруя на рысаке была новая, двуколка сверкала лакированными колесами, а у Эллисона Айра жокейская куртка и сапоги сшиты точно по мерке. Соперниками его выступали приезжие жокеи-профессионалы, которых собиралось на бега множество. По сравнению с великолепием Эллисона они выглядели старыми и потрепанными, как и их облезлые двуколки и даже лошади. Мы не могли наглядеться на Эллисона Айра.

— Он придет первым,— решительно заявил Том.

— Ну, эти еще сыграют с ним по-своему! — возразил с видом знатока Скотти, указывая на профессионалов.

Мы знали, что Скотти скорее всего прав, потому что на бегах творилось всякое, и дело заключалось не только в умении хорошо вести в беге кровного рысака.

— Не беспокойся,— сказал я, понизив голос.— Эллисон постоит за себя.

Но я думаю, что только из местного патриотизма мы желали победы айровскому Флику; в душе мы симпатизировали и этим старым, умудренным профессионалам и даже любовались ими.

Заезд начался. Профессионалы, конечно, прекрасно знали, как помешать Эллисону Айру получить на дорожке удобную позицию. Как только его иноходец вырвался вперед, он тут же сделал несколько сбоев; мы понимали, что это — от незаметного удара чужим хлыстом или тычка в живот рысака. Старички еха-

ли все вместе, и на последнем круге, когда четыре лошади сбились в кучу, мы вскочили на ноги и стали неистово кричать: «Эллисон! Флик!» Эллисон вышел на полголовы вперед. Но тут же он был оттеснен назад ловким, согласованным маневром двух двуколок, после чего они ринулись вперед, каждая в одиночку. Профессионалы взяли первый и второй призы, Эллисон остался третьим.

— Я говорил вам,— сказал Скотти.— Они ни за что не пропустили бы его вперед.

— Может быть, и ему следовало их обмануть?— уныло предположил Том.

— Но как?

Эллисон Айр, наверно, немало удивился бы, узнав, что трое босоногих мальчишек — пламенные его болельщики и искренне жалеют о постигшей его неудаче. На наш взгляд, сам он очень хорошо перенес свое поражение, если не считать некоторой озадаченности богатого человека, над которым кто-то одержал верх.

Не прошло, однако, и получаса, как нам пришлось испытать к этому человеку совершенно другие чувства.

Мы ушли с арены: ближайший заезд по скачкам ожидался только через двадцать минут, и мы прошли к веревочной ограде загона, где седлали скакунов и готовили лошадей для бега в упряжках. Мы увидели там двух пожилых мисс — сестер Старк, владелиц молочной фермы, которые запрягали в фургончик черного пони. Лошадка была капризная, и мы смеялись, как она увертывалась от оглобель. Потом перед нами предстала Джози Айр в своем желтом экипаже, в который был запряжен выхоленный, до блеска вычищенный красавчик Бо. Джози тоже была мила в бриджах для верховой езды, блузке и остроконечной шапочке. И снова из простого сочувствия и восхищения мы про себя пожелали ей выиграть.

Потом мы уселись на траве возле ограды загона и стали разговаривать. И вдруг Скотти приподнялся, вскочил на ноги и сдавленным голосом сказал:

— Это Тэфф!

Мы оглянулись.

— Где?!— спросили мы, поднимаясь.

— Вон там. Это он.

Скотти показывал дрожащей рукой на Бо. Тут же он сорвался с места, прополз под веревками ограды и кинулся напрямик к упряжке Джози. Он ухватился за уздечку пони и другой рукой — за подстриженную холку, как делал это всегда с Тэффом.

— Тэфф,— сказал он.

Говорят, что животные реагируют скорее на звук, чем на определенное слово. И, может быть, такова была интонация обращения Скотти, но Бо явно пригнул одно ухо и откинул голову назад, как бы желая лучше увидеть того, кто стоял перед ним. Мы видели много раз, как Тэфф делал то же самое, хотя знали, что такова привычка и у других пони.

— Убирайся!— крикнула Джози.— Убери руки от Бо!

— У вас мой пони,— сказал Скотти, держа Бо за узду так, словно собирался тут же его увести.

— Убери руки от него!— еще громче прозвучал резкий, командирский голос Джози.— Ты делаешь ему больно!

Мы с Томом поспешно пролезли под веревками ограды и потянули Скотти за рукав.

— Это Бо,— сказал я, почувствовав нервную дрожь.— Это пони Джози Айр, право же, Скотти. Это не Тэфф.

Скотти еще крепче ухватился за уздечку и движением плеча отбросил мою руку.

— Мне наплевать на твои разговоры. Это Тэфф!— крикнул он гневно и откинулся немного назад, чтобы посмотреть еще раз на пони.— Держу пари на что угодно, это он!

Джози дернула вожжи, чтобы заставить Бо двинуться вперед и отбросить Скотти в сторону. Но Скотти держался сейчас за уздечку так, словно от этого зависела его жизнь. Пони попал в ловушку: одна рука требовала двигаться вперед, другая удерживала на месте. Бо стал волноваться и громко, словно жалуясь, заржал.

Джози отчаянно звала отца, и тот появился в загоне. Он куда-то уходил, видимо, чтобы

купить ей пару белых шерстяных перчаток, которые держал в руках.

С этой минуты Скотти уже не надо было догадываться, с кем он имеет дело. Я не знаю, видел ли он когда-либо Джози, но, конечно, слыхал о ней и ее пони. Но едва ли его занимали в эти минуты ее искалеченные ноги и резкий голос. Для Скотти она сейчас могла быть только крикливой, неприятной девчонкой, которая осмелилась управлять запряженным в коляску Тэффом. Нет, Скотти не даст ей уехать вместе с Тэффом! Не глядя на Эллисона Айра, Скотти даже принялся разматывать ремни упряжи, которая держала Тэффа в этих дурацких оглоблях.

— Не давай ему, прогони его!— кричала Джози отцу сквозь злые слезы.

Люди, работавшие в загоне, стали приглядываться, а мы все еще старались оттащить Скотти и убедить его оставить Бо в покое.

Эллисон Айр сделал несколько решительных шагов и, оторвав Скотти от земли, поднял его в воздух. Он собирался попросту отшвырнуть его в сторону. Скотти еще не знал, что уже с полдюжины людей готовы были помочь Эллисону, поэтому он намертво держал в руке уздечку и стал яростно вырываться из рук Эллисона, понося его нехорошими словами.

— Отпусти уздечку, проклятый дьяволенок!— заорал на него Эллисон.— Отпусти уздечку, или...

Мы смотрели, словно загипнотизированные, как бьется и извивается Скотти в руках у Эллисона. Нам стало страшно — назревало что-то опасное и для беспомощной Джози, если Скотти не выпустит уздечку.

— Заберите ее кто-нибудь из коляски!— крикнул Эллисон.— Отнесите ее куда-нибудь!

— Нет! Не смейте меня трогать!— истерически закричала Джози.

Блю Уотерс, который привел в загон вторую лошадь Айра, бросил поводья, вскочил в экипаж и схватил Джози. Но тут напуганный пони стал пятиться, и экипаж поехал назад; Блю не решился выносить Джози или передать ее кому-либо из людей, окруживших Эллисона. Тут сама Джози начала вырываться из рук Блю, и он, перегнувшись, неожиданно сильным для его роста движением поднял ее и передал подбежавшим двум сестрам Старк. В это самое мгновение Эллисону удалось разжать пальцы Скотти и освободить уздечку.

Но это еще не был конец. Скотти успел тем временем вытянуть вперед босые ноги и обхватить ими передние ноги пони. Бо принялся злобно отбрыкиваться. Эллисон в ярости дважды ударил Скотти кулаком. Но тут пони вскинул голову и сильным рывком высвободил передние ноги, отдавая Скотти в руки его врага. Скотти извивался и бился и все кричал, не переставая, что это его пони, что это Тэфф.

Эллисон умел обращаться с овцами и жеребятами. Не обращая внимания на удары ногами, он обхватил Скотти и сжал мальчику руки так, что затрещали кости. Потом он велел Тому и мне сбегать и вызвать из полицейской палатки констебля Питерса.

— Бегите же!— крикнул он, глядя, как Блю держит под уздцы Бо.

Том и я знали, что Скотти теперь почти обезумел от ярости, и мы не хотели помогать Эллисону получить еще поддержку полиции.

— Отпустите его!— сердито сказал Том.

Эллисон все старался одолеть Скотти, и ему удалось наконец прижать его животом к земле. Он сердито крикнул нам, что, если мы не приведем констебля, он передаст полиции и нас двоих тоже. Люди в загоне смотрели на нас враждебно, раздавались подстрекательские крики. Подошло еще несколько конюхов, и мы с Томом поняли, что нам остается только поскорее убираться. Нас торопило и пощелкивание бичом, который держал в руке Блю. И мы оставили Скотти в плену, лежащего на земле, рыдающего, бьющегося, как в судорогах. В другом углу сидела неподвижная Джози, а Бо — или Тэфф — стоял где-то между ними.

Продолжение следует.

Перевел с английского Л. Чернявский.

ВЫСОКИЙ У БЛИСТАТ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. ТОЛСТОГО

Он был высок, дороден, произносил слова кругло, русская речь во всех ее оттенках звучала в устах Алексея Толстого вкусно, музыкально, фразы слагались точные, живописные, отчетливо выделявшие нужную мысль, но при этом начисто лишенные книжности. У него была громадная память, хранившая в себе множество всяких любопытнейших историй, которые он любил выкладывать своим собеседникам, похохатывая и улыбаясь во все свое широкое лицо. Иногда даже казалось, что он на ходу придумывает их, что, впрочем, было вполне возможно, ибо в нем непрестанно кипела и бурлила кровь художника, горячая работа творческой мысли не прекращалась ни на минуту. Он любил шутку и радостно откликался на остроту своего собеседника. Он сам любил пошутить, посмеяться, подсолить, подперчить понравившееся словцо. Он по природе своей был веселый человек и возбуждал доброе настроение у других. Он был несокрушимый оптимист и продолжал оставаться им в любых, временами весьма тяжелых обстоятельствах. Носил он костюмы широкие, просторные, сидевшие на нем мешковато, но с завидным изяществом. Редко расставался он со своей палкой, которой воинственно гремел по тротуару, твердо попирая асфальт. Неизменная шляпа прикрывала его волосы, подстриженные в кружок. Он был колоритен — нынешний и прошлый век уживались в его внешности. Глядя на него, пышущего здоровьем, бодростью, ладно скроенного и крепко сшитого, казалось, что отпущено ему по крайней мере лет сто жизни. Но судьба решила иначе — он умер шестидесяти двух лет. Высокие творческие замыслы остались незавершенными или вовсе не выполненными.

Был он сильным человеком, но всегда только человеком, а работал титанически, не покладая рук, не давая роздыха ни мозгу, ни нервам, ни сердцу. Свой талант он разбрасывал пригоршнями с необыкновенной щедростью. Не найти такого литературного жанра, который был бы ему чужд. Начинал он, как и многие, со стихов. Они были слабы и подражательны. Ему было двадцать четыре года, когда в 1907 году вышла его первая

Н. КРУЖКОВ

М
ЕЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

книжка, он был здоровый парень, что называется кровь с молоком, а писал унылые и кислые строки:

И хочется взглянуть в лицо нежившим дням,
В провалы вечности глубокой.

Декаденты всех мастей облепили его порхающим роем, похвалам не было конца. Было от чего закружиться голове, резво побежать по тропам символизма, акмеизма и прочих подобных «измов», благо была в ту пору мода на такую литературную продукцию. Но Алексей Толстой не так уж долго болел декадентской корью. Здоровое творческое начало взяло в нем верх, он ушел в реальную жизнь, заговорил сильным, крепким, звенящим языком прозы, и появилось его «Заволжье». Декаденты шарахнулись в сторону, объявили автора ренегатом, а Горький, к голосу которого уже тогда прислушивалась вся Россия, написал в одном из своих писем: «Обратите... внимание на нового Толстого, Алексея — писателя, несомненно, крупного, сильного и с жестокой правдивостью изображающего психическое и экономическое разложение современного дворянства».

Буря революции унесла Алексея Толстого в эмиграцию. Это было поистине бедствием и для его творчества и для его натуры. Зовы Родины раздирали его сердце, писалось трудно, перо вязло в бумаге. В эмиграции он начал писать «Сестры». Тема романа заставляла его зорко следить за тем, что делается в России, на ее бескрайних просторах, где происходили эпические битвы, на ломку и перестройку всей жизни. Напряженно работая над «Сестрами», он все дальше и дальше уходил от эмигрантского болота, где пахло гнилью и тлением. Вполне допустима мысль, что именно эта работа над романом ускорила его возвращение на родину, столь им любимую и желанную. Александр Куприн возвратился домой умирать, Иван Бунин так и остался на чужбине, сорокалетний Алексей Толстой приехал под отчий кров трудиться, писать, творить.

Творчество Алексея Толстого может быть сравнено с горным хребтом, вместившим в себе огромные богатства. Им написаны пьесы и киносценарии, множество рассказов, блестящие повести и романы высокого художественного и познавательного значения. Как он сам признавался, он писал сравнительно легко в начале своего творческого пути, но по мере своего роста, когда увеличивалась ответственность за все создаваемое, умножались и творческие муки. Алексей Толстой страстно любил слово. Он ощущал его вкус, запах, дыхание. Он стремился разглядеть его со всех сторон, взвесить на ладони, как драгоценный камень, установить точное соответствие между словом и мыслью. В своем докладе на Первом съезде писателей он говорил: «Обращаться с языком кое-как — значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно».

Он зримо, отчетливо видел своих героев, всю обстановку, окружающую их. Он спорил с ними, бранил или восхвалял, осуждал или оправдывал, полностью врастал в их личность, страдал и плакал вместе с ними. Как Бальзак или Флобер, он кричал на них и топал ногами. Близкие, окружавшие писателя, слышали из-за стены громкие вопли, но не обращали на них внимания — знали: Алексей Николаевич пишет.

Когда мы читаем несравненного «Петра Первого», нам кажется, что мы и впрямь оказались в XVIII веке, в самой гуще событий того времени и слышим живую, непридуманную речь героев романа. Эта волшебная иллюзия возникает не оттого, что автор воспроизвел словесный антиквариат, нет, он искусно вышил ткань живого языка узорами тогдашней речи, и они-то и придали роману нужный колорит и характеристичность.

Пушкин говорил, что учиться русскому языку надо у московских просвирен, Алексей Толстой утверждал, что его учителями во время работы над «Петром» были московские дьяки, записывавшие необыкновенно точным, сжатым языком судебные акты семнадцатого века. Сколько книг надо было перечитать Алексею Толстому, сколько поднять бумаг из архивной пыли, сколько передумать, переосмыслить, чтобы создать «Петра», не школьного, не благостного, а живого, с огненной кровью, с бешеным характером, с несокрушимой волей.

Возвращение Алексея Толстого на родину было радостным событием для писателя, с головой окунувшегося в новую, кипучую, бурную жизнь, и для миллионов благодарных советских читателей, жадно ловивших звонкое, сильное слово талантливого художника. Литературное хозяйство Алексея Толстого разрасталось во всех направлениях. Путь восхождения писателя к славе и всенародному признанию был не только усыпан розами. Рапповские лидеры поспешили зачислить его в ряды сомнительных «попутчиков», которым можно доверять, а лучше не доверять. Самые шумные и крикливые из рапповцев считали его даже «попутчиком попутчиков». Его бесцеремонно попрекали и графским происхождением, и злосчастными годами мучительной эмиграции, и давно забытыми юношескими увлечениями декадентством. Когда РАПП решением партии был распущен и перестал играть роль первоучителя и безапелляционного наставника писателей, повеяло свежим ветром, стало легче дышать и легче работать. Алексей Толстой, может быть, больше чем кто-либо почувствовал значение совершившихся перемен. В 1933 году в «Литературной газете» в заметке «О себе» он пишет: «Лицо писательского «я» — это судьба класса, для которого писатель пишет, чьими целями, удачами, бедствиями он живет... Я стал участником строительства новой жизни на земле. Я вижу задачи эпохи. Мне ясны мои задачи».

Книга за книгой выходила из-под пера писателя. Их ждали с нетерпением. Иногда он откладывал в сторону одну, чтобы тут же взяться за другую. Избранный депутатом Верховного Совета СССР, он радостно отдался огромной общественной работе. Широкие творческие замыслы продолжали волновать его сердце. Тысячи часов затрачивались на сборы необходимых материалов. Железный гром великих исторических событий настойчиво врывался в страницы его книг. Подверглись суровой авторской редактуре уже написанные «Сестры», родился «Восемнадцатый год», разгорелось «Хмурое утро», вырастала великолепная трилогия «Хождение по мукам».

Если творчество Алексея Толстого можно сравнить с горным хребтом, то эта трилогия навеки останется его сияющей вершиной. Сам писатель говорил о ней так: «Хождение по мукам» — это хождение совести автора по страданиям, надеждам, восторгам, падениям, унынию, взлетам — ощущение целой огромной эпохи, начинающейся преддверием первой мировой войны и кончающейся первым днем второй мировой войны».

22 июня 1941 года Алексей Толстой закончил трилогию. 22 июня началась Отечественная война. На западе великой страны вставали грозные столбы дыма, отсветы далеких пожаров окрашивали в багряные тона надвигавшиеся зловещие тучи.

Через несколько дней Алексей Толстой пришел работать в «Красную звезду». Он пришел по первому зову и стал в строй, как солдат, как старый воин, как русский. Его оружием было слово, разящее врага. Свои статьи и короткие заметки он писал с такой же тщательностью, с такой же кипевшей в нем страстью, как и свои лучшие произведения. Огненная публицистика Толстого находила горячий отклик в сердцах фронтовиков. Каждое его выступление вызывало поток писем. «Все ваши статьи мы читаем по нескольку раз». «Всякий раз после читки ваших строк мы крепче сжимаем винтовку». «В такую тяжкую и грозную годину для нашего народа слушать вас величайшая отрада...» Многие полки разных родов войск зачисляли его в свои ряды, высылали красноармейские книжки, гвардейские значки. На его имя открывали счет уничтоженных фашистов, в его честь давали залпы пушек и «катюш» по врагу. Любое редакционное задание он выполнял с дисциплинированностью истинного солдата. Он терпеливо выслушивал указания редактуры, очень редко вступал в споры и, если была необходимость, вносил поправки сам. Единственно, чего он не любил,— это чужую правку в тексте. Заголовки оставлял на совести редакции: «Это у вас получается лучше, чем у меня». Стало обыкновением снабжать его самыми интересными фактами, какие привозили с фронта корреспонденты. Каждый из них считал для себя честью, если его материал оказывался нужным Толстому. На фронт писателя не пускали, несмотря на его шумные и гневные протесты: рисковать жизнью Алексея Толстого было нельзя, но ему всегда предоставляли широкую возможность встречаться с фронтовиками. Так, из встречи в Калуге с воинами генерала Белова, возвратившимися после героического рейда по тылам противника, родились знаменитые «Рассказы Ивана Сударева» — одно из значительных произведений времен Отечественной войны.

Алексей Толстой не раз говорил, что публицистическую статью ему написать труднее, чем рассказ. Но читатель этого никогда не чувствовал. Речь лилась свободно, насыщенная яркими образами, точными историческими параллелями, взывавшая к чувствам воинов, будившая в них ярость к врагу и веру в победу. Его знаменитая статья «Родина», написанная к 7 ноября 1941 года, опубликованная одновременно в двух газетах: «Правде» и «Красной звезде»,— своим величавым, былинно-эпическим слогом волновала душу, звучала набатным колоколом: «И вот смертельный враг загораживает нашей родине путь в будущее. Как будто тени минувших поколений, тех, кто погиб в бесчисленных боях за честь и славу родины, и тех, кто положил свои тяжкие труды на устроение ее, обступили Москву и ждут от нас величия души и велят нам: «Свершайте»... Пращур наш, глядя посолонь, наверно, различил в дали веков эти дела народа своего и сказал тогда на это: «Ничего, мы сдюжим...»

Но не только публицистическая работа в газете занимала Алексея Толстого в годы Отечественной войны. Он выступал на митингах и собраниях со всей горячностью своего сердца. Он написал драматическую повесть «Иван Грозный». Он жил и творил как романист, как художник большого масштаба. Он составлял план на 1945 год: «Закончить третью книгу романа «Петр Первый». Начать роман по материалам Отечественной войны...» Уже были подготовлены проекты заглавия для нового произведения: «Огненная река» или «Великий путь».

Он умер, как солдат на поле боя,— с оружием в руках.

ТРИУМФ РУССКОЙ

/ТУРГЕНЕВ О МУСОРГСКОМ И ЧАЙКОВСКОМ/

II

В письмах Тургенева, лишь теперь обнаруженных за рубежом, имеются его любопытные отзывы о другом отечественном композиторе, творчество которого принесло неувядаемую славу русской музыке. Оказывается, Тургенев присутствовал на полной сценической репетиции первой постановки «Евгения Онегина», осуществленной учениками Московской консерватории. Об этом факте ранее известно не было. Но прежде чем привести письма Тургенева с его отзывом о показанной в первый раз полностью опере «Евгений Онегин», кратко остановлюсь на отношении писателя к творчеству композитора.

При первом же знакомстве с произведениями П. И. Чайковского они произвели на Тургенева весьма благоприятное впечатление. В письмах к петербургским друзьям он просит присылать ему в Париж выходящие в свет новые сочинения композитора. Так, 7 сентября 1874 года Тургенев писал А. В. Топорову: «...Будьте так любезны и узнайте от А. Иогансена (музыкальный магазин против Гостиного двора на Невском), существует ли увертюра Чайковского для «Ромео и Джульетты» на 4 руки для фортепиано — или на 2, и, если существует, перешлите на мое имя в Париж».

Артистка А. И. Абаринова, встретившаяся в 1877 году с Тургеневым в Париже, в доме Полины Виардо, вспоминая позже о своих разговорах с ним, писала: «Он много расспрашивал меня о Чайковском и просил разузнать и написать ему, по возвращении моем в Россию, где он находится».

Очень заинтересовали Тургенева появившиеся в печати сведения о выходе в свет клавира «Евгения Онегина». Узнав об этом, он обратился 14 ноября 1878 года к приятелю с просьбой: «Сходите, пожалуйста, к новому музыкальному торговцу Габлеру (у Казанского моста, д. Ольхина) — и возьмите у него фортепианную партитуру оперы Чайковского «Евгений Онегин» и пришлите ее сюда немедленно... Да еще, если возможно, те 2 скрипичные пиэсы Чайковского, которые Барчевич играл на русских концертах в Трокадеро. Одна из них озаглавлена «Rêverie», другая — вальс. Очень бы одолжили, если бы добыли. Чайковский получил здесь большой успех»[1]. И уже через две недели, 27 ноября, Тургенев писал Л. Н. Толстому: «Евгений Онегин» Чайковского прибыл сюда в фортепианной партитуре. Г-жа Виардо начала разбирать эту вещь по вечерам. Несомненно замечательная музыка; особенно хороши лирические, мелодические места. Но что за либретто! Представьте: стихи Пушкина о действующих лицах вкладываются в уста самих лиц». И с чувством удовлетворения Тургенев добавлял: «Имя Чайковского здесь очень выросло после русских концертов в Трокадеро; в Германии оно давно пользуется если не почетом — то вниманием. В Кембридже мне один англичанин, профессор музыки, пресерьезно сказал, что Чайковский самая замечательная музыкальная личность нашего времени...» Спустя четырнадцать лет композитор был избран доктором музыки Кембриджского университета.

Находясь в начале 1879 года в Париже, Чайковский, видимо, узнал от друзей, что Тургенев высоко оценил оперу «Евгений Онегин» по фортепианному переложению. Вот что композитор написал тогда Н. Ф. фон Мекк: «Тургенев несколько раз выражал к моей музыке много симпатии, Виардо пела мои романсы,— казалось бы, следовало бы пойти к ним, и, вероятно, это принесло бы мне даже пользу. Теперь я уже примирился с мыслью, что успехи мои парализуются моей нелюдимостью, и совершенно успокоился».

14 февраля 1879 года, спустя два с половиной месяца после отправления письма к Толстому, Тургенев приехал в Москву, где со следующего же дня стихийно возникли чествования писателя. И, узнав, что 17 февраля состоится полная репетиция первой постановки оперы силами учеников Консерватории под дирижерством ее директора Н. Г. Рубинштейна, Тургенев попросил друзей дать ему возможность присутствовать на этом спектакле. День спустя Тургенев рассказал в письме к Клоди Виардо, дочери певицы, о своих впечатлениях.

«Я был вчера вечером в Консерватории, где, под управлением Николая Рубинштейна, состоялась генеральная репетиция оперы Чайковского «Евгений Онегин». Музыка показалась мне очаровательной: пылкая, страстная, юная, чрезвычайно красочная и чрезвычайно поэтичная. Особенной свежестью и воодушевлением отличается оркестр. Пели ученики: ты видишь отсюда, каково исполнение... Я говорю — «ты видишь», ибо, к счастью, слышать его ты не можешь. Особенно выделялся молодой еврей, исполнявший роль Ленского, влюбленный тенор, у которого был невыразимо комичный вид: какой прекрасный набросок сделала бы ты с этого бедняги — сухого, тощего, с руками, прижатыми к телу: одна — на груди, другая — на ляжке, с оттопыренными локтями, с головой, вытянутой вперед; вся одежда уныло колыхалась на его членах, оторопевших от собственной неуклюжести. Наоборот, м-ль Климентова, исполняющая героиню, Татьяну, обладает прекрасным, хотя еще очень резким голосом: в хороших руках из нее могло бы что-нибудь выйти. В общем, я приятно провел время».

Какие чудесные слова нашел Тургенев, чтобы охарактеризовать, по его словам, «замечательную», «очаровательную» музыку в опере Чайковского: «пылкая, страстная, юная, чрезвычайно красочная и чрезвычайно поэтичная». Думается, что эта тургеневская оценка шедевра Чайковского войдет не только в исследовательский обиход, но и приобретет широкую популярность.

Хотя первый исполнитель роли Ленского, как свидетельствуют и другие современники, был действительно не на высоте, все же партия эта произвела на Тургенева такое сильное впечатление, что в дальнейшем он утверждал: «Ленский у Чайковского как будто вырос, стал чем-то большим, нежели у Пушкина».

Свое восторженное отношение к музыке этой оперы Тургенев снова высказал спустя двенадцать дней после полной репетиции, когда 1 марта 1879 года посетил композитора В. Н. Кашперова. Издатель нотной литературы П. И. Юргенсон, со слов своей жены, присутствовавшей на этой встрече, на следующий день писал Чайковскому, который был тогда в Париже: «Он [Тургенев] оказывается твоим пламенным поклонником, знает и имеет все твои вещи, все решительно. Расспрашивал о неизданных.., говорил много про Онегина, восторгался музыкой и смеялся добродушно над либретто».

Все это красноречиво свидетельствует о том, насколько был прав Тургенев в оценке творчества Чайковского по сравнению с оценкой Стасова. Справедливо ратуя за национальный характер развития отечественного искусства, много сделав для художественного воспитания широких кругов русской интеллигенции, Стасов все же нередко ошибался. Жестоко ошибался он и тогда, когда писал: «К чему всего менее имеет способности Чайковский — это к сочинениям для голоса. Оперы его многочисленны, но не представляют почти ничего замечательного. Это ряд недочетов, ошибок и заблуждений...» Так открыто в печати отзывался Стасов о Чайковском в период высшего расцвета оперного творчества гениального композитора.

28 января 1880 года Тургенев приехал в Петербург и через три дня пришел к поэту Я. П. Полонскому, у которого по пятницам собирались друзья. Один из присутствовавших на том вечере записал в дневнике разговор о музыке, который вели Тургенев и Полонский. По словам мемуариста, Тургенев сказал:

«— Из теперешних наших композиторов, по-моему, всех оригинальнее Чайковский. После Глинковской музыки его романсы занимают первое место.

Полонский заметил, что ему не все нравятся и что именно «Нет, только тот, кто знал», указанный Тургеневым, не нравится в числе других.

— Музыка Чайковского очень нравится и в Париже...— добавил Тургенев».

В тот же приезд Тургеневу доводилось, бывая у друзей, слышать произведения Чайковского. В новонайденных письмах Тургенева имеются два отклика на эти музыкальные его впечатления. Сообщая Полине Виардо о своих интересных встречах, он писал 20 марта 1880 года:

«Г-жа Лешетицкая спела симпатичным еще голосом романс (мне неизвестный) Чайковского,— упоительный, жгучий, великолепный. Я пошлю его Вам».

А в письме к Виардо от 1 апреля имеются такие строки:

«Вы уже знаете, что я не смог присутствовать позавчера на прослушивании «Орлеанской девы» Чайковского у г-жи Абазы. Кстати о Чайковском: мне кажется, что у Вас есть тетрадь с шестью его романсами (ор. 38), один из них озаглавлен «Pimpinella». Нравится же мне больше не этот, а другой, под заглавием «Средь шумного бала».

Что же касается письма Тургенева с его отзывом об опере «Евгений Онегин», то оно важно и тем, что дает возможность устранить две ошибки, до сих пор бытовавшие в исследовательской литературе, когда речь шла об отношении писателя к этому произведению.

Путем различных хронологических сопоставлений А. Е. Шольп, автор статьи «И. С. Тургенев и «Евгений Онегин» Чайковского», напечатанной в 1960 году, пришла к такому выводу: «Тургенев не присутствовал на первых представлениях «Евгения Онегина» в Москве... С несомненностью явствует, что эту оперу Чайковского Тургенев никогда не видел на сцене» (подчеркнуто А. Е. Шольп).

Несмотря на всю категоричность этого утверждения, оно неверно. Писатель, как мы убедились выше, видел «Евгения Онегина» на сцене.

[1] В одном из четырех концертов русской музыки в Париже осенью 1878 года в исполнении скрипача С. К. Барцевича (писатель неточно назвал его фамилию) прозвучали «Меланхолическая серенада» и «Вальс-скерцо» Чайковского.

Окончание. См. «Огонек» № 2.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

МУЗЫКИ

Правда, то была не генеральная репетиция, как утверждал Тургенев в письме к Клоди Виардо, а полная репетиция оперы, предшествовавшая генеральной, которая состоялась 16 марта; на следующий день была премьера, но Тургенев в это время уже находился в Петербурге.

Не соответствует действительности утверждение Модеста Чайковского, брата и биографа композитора, что «выразителем» весьма сдержанной реакции «огромного большинства публики», присутствовавшей на первых спектаклях оперы, «явился Тургенев в одном из своих писем» и что такое письмо «вперед настроило против композиции».

Биограф мог только знать письмо Тургенева к Толстому (оно цитируется выше). Но в нем отзыв о музыке «Евгения Онегина» восторженный и лишь по поводу либретто — критический... Если же учесть, что письмо это было впервые опубликовано в 1885 году, спустя шесть лет после первых спектаклей, то повлиять на их слушателей оно никак не могло. Модест Чайковский ошибся в своем утверждении: письма Тургенева с отрицательной оценкой оперы «Евгений Онегин» не было и быть не могло по той простой причине, что музыку этой оперы писатель оценил наивысшим образом, и когда услыхал ее в фортепьянном переложении, и когда присутствовал на полной сценической репетиции...

Наконец, чтобы читатель мог сопоставить мнение Тургенева об этой постановке с мнением самого композитора, приведу отрывок из его письма к Н. Ф. фон Мекк, отправленного через два дня после премьеры:

«Я ощутил большое удовольствие. Исполнение в общем было очень удовлетворительное. Хор и оркестр исполняли свое дело прекрасно. Солисты, разумеется, оставляли желать весьма многого. Онегин — Гилев пел очень старательно, но его голос так ничтожен, так сух и лишен прелести! Татьяна — Климентова более приближается к моему идеалу, особенно благодаря тому обстоятельству, что у ней, несмотря на большую сценическую неумелость, есть теплота и искренность. Ленского пел некто Медведев, еврей, с очень недурным голосом, но еще совершенный новичок... Постановка была весьма хорошая, и, по-моему, некоторые картины (в особенности картина деревенского бала) в этом отношении были безукоризненны».

Кстати сказать, идеальный образ Ленского на оперной сцене был создан лишь в самом конце века выдающимся певцом и артистом Л. В. Собиновым.

В заключение могу сообщить, что спустя менее трех лет после кончины Тургенева композитор познакомился с Полиной Виардо. Не без влияния писателя она издавна относилась восторженно к произведениям Чайковского. Его первая встреча с ней состоялась 12 июня (н. ст.) 1886 года в Париже. На следующий день композитор писал: «Вчера завтракал у старушки Виардо. Это такая чудная и интересная женщина, что я совершенно очарован ею. Несмотря на свои 70 лет, она держит себя на положении сорокалетней женщины, подвижна, весела, любезна, обходительна и сумела так устроить, что я с первой же минуты почувствовал себя у нее как дома».

К тому же времени относится письмо Чайковского к Полине Виардо, которое осталось неведомым в литературе о композиторе и должно было хотя бы найти отражение в вышедшем в прошлом году тринадцатом томе его литературных произведений и писем... Письмо это находилось в части архива Виардо, продававшейся 3—4 марта 1938 года в Париже в доме аукционов (носящем название Отель Друо); подробные сведения о письме Чайковского имеются в каталоге распродажи.

Композитор извещал 16 июня 1886 года Полину Виардо, что только по недоразумению, за которое не может считать себя ответственным, он не явился на ее приглашение и что предполагает быть у нее в понедельник накануне своего отъезда из Парижа. Письмо заканчивалось словами: «С радостью прослушаю музыку. У меня теперь есть фрак и я могу отправиться к Вам вечером в подобающем виде».

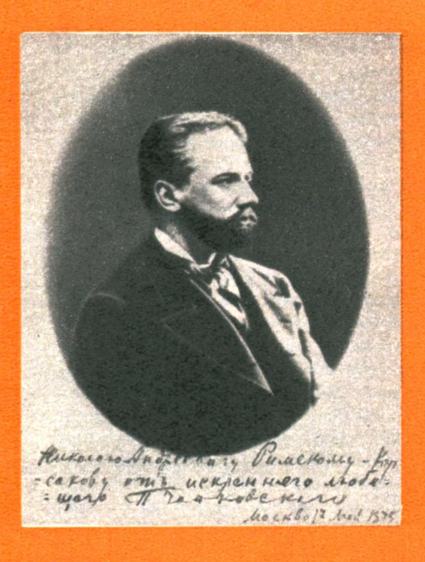
Сохранилась ответная записка Полины Виардо, в которой она писала: «С радостью жду Вас... в будущий понедельник, в 7 часов. Не приходите во фраке — никого не будет».

О своих впечатлениях от некоторых из этих встреч Чайковский писал Н. Ф. фон Мекк: «Относительно вопроса, вспоминает ли Виардо Тургенева, скажу Вам, что не только вспоминает, но почти все время мы о нем говорили, и она подробно рассказывала, как они вместе писали «Песнь торжествующей любви». Писал ли я Вам, милый друг, что я провел два часа у Виардо в перелистывании подлинной партитуры Моцарта («Дон Жуан»), которую еще лет тридцать тому назад муж Виардо случайно и очень дешево приобрел. Не могу выразить чувства, которое охватило меня при просмотре этой музыкальной святыни! Точно будто я пожал руку самого Моцарта и беседовал с ним».

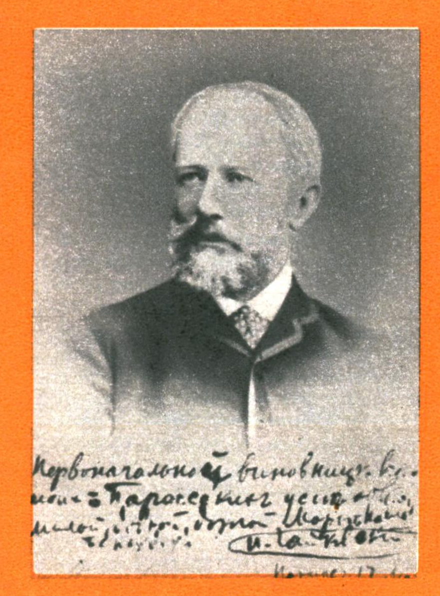
* * *

Теперь, когда мы узнали заключительные слова Тургенева, сказанные им почти сто лет назад в письме после встречи с Мусоргским: «Вперед, вперед, господа русские!!!»,— можно утверждать, что этот шедший от всего сердца призыв оказался пророческим. Писатель словно предвидел грядущий триумф русской музыки. К тому же лучшие отечественные композиторы, в том числе и Чайковский, не только вышли **вперед**, заняв вскоре первые места в мировой музыкальной культуре, но и во многом оплодотворили творчество зарубежных мастеров, среди которых было немало композиторов Франции, близкой сердцу Тургенева.

Русская музыка — симфоническая, оперная, балетная, инструментальная — не только давно получила всемирное признание и уже долгие десятилетия звучит на всех континентах, доставляя неиссякаемую радость миллионам людей; ее лучшие произведения исполняются теперь самыми известными оркестрами под управлением самых знаменитых дирижеров, ставятся в самых прославленных театрах мира. Можно не сомневаться, что и впредь каждое новое поколение человечества будет черпать в созданиях наших выдающихся отечественных композиторов бесконечное наслаждение. Что же касается Мусоргского, о музыке которого Тургенев сказал, что у нее **есть будущее**, то этот несравненный композитор уже давно вошел в ряд великих музыкантов, чье творчество стало классическим и поистине бессмертным.

П. И. Чайковский.
Фотография с дарственной надписью Н. А. Римскому-Корсакову: «Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову от искреннего любящего П. Чайковского. Москва, 18 мая 1875».
Музей-квартира Н. А. Римского-Корсакова, Ленинград.

П. И. Чайковский.
Фотография с дарственной надписью певице М. П. Бенардаки, окончившей Петербургскую консерваторию:
«Первоначальной виновнице всех моих парижских успехов, милой, доброй, дорогой Марье Павловне Бенардаки. П. Чайковский. Париж. 17 марта [1888 г.]».
П. И. Чайковский писал Н. Ф. фон Мекк 15 (27) февраля 1888 года из Парижа: «Все утро я провел у г-жи Бенардаки, богатой русской дамы, имеющей в здешнем свете большое значение и дающей завтра в своем великолепном доме большой музыкальный вечер. У нее будут участвовать первостепенные здешние артисты и оркестр Colonna, которым я буду дирижировать».
Собрание С. М. Лифаря, Париж.
Воспроизводится впервые.

П. И. Чайковский.
Фотография с дарственной надписью выдающемуся русскому танцовщику Альфреду Федоровичу Бекеффи:
«Старому приятелю Бекеффи от искреннейшего и давнего почитателя П. Чайковский. 12 дек. 92 г.».
Первый исполнитель венгерского танца на премьере «Лебединого озера» 20 февраля 1877 года в Москве, исполнитель роли Зигфрида в том же балете в 1882 году, А. Ф. Бекеффи с 1883 года выступал в петербургском Мариинском театре, откуда был уволен в 1905 году за сочувствие революционной молодежи.
Собрание Л. Д. Леонидова, Париж.
Воспроизводится впервые.

ПРАЗДНИК БИРМЫ

Елизавета СУМЛЁНОВА

Фото автора.

В незапамятные времена уходит история Бирмы, но новая история страны началась 4 января 1948 года, когда с дворца английского губернатора в Рангуне двадцать пять лет назад был спущен ненавистный «Юнион Джек» и взвился национальный флаг суверенного Бирманского Союза.

День независимости празднуют всюду: во дворце президента и в соломенных хижинах.

Над огромным полем ипподрома Чокоссан уже издали видно марево. Продираюсь сквозь толпу, тучи пыли и... попадаю в волшебный мир. Вышагивает, перестраиваясь и играя на ходу, духовой оркестр. Смешит публику маленькая, забавная обезьянка, она скалит зубы, делает сальто в воздухе. Играют в чинлон, носится над головами плетеный ротановый мяч, ревут болельщики.

Неподалеку состязаются острословы, слышны взрывы смеха: бирманцы умеют ценить юмор. Несколько любителей вручную раскручивают гигантское колесо обозрения, и несется оно без руля и ветрил.

Можно прокатиться на гондоле, полюбоваться орхидеями в гроте, проехаться с ветерком в узкоколейке и купить лотерейный билет. Рядом, не веря в лотерейное счастье, зарабатывает свой хлеб дедовским способом заклинатель змей. Он отрешенно дует в свирель, и в шевелящемся над корзиной треугольнике легко угадывается голова кобры.

На земле разложены зонтики, утюги и другие нехитрые товары, идет бойкая продажа. В «гастрономическом» районе коптят лучины, лампы, шипит масло на плоских сковородах. Жарят, пекут, жуют за обе щеки — праздник!

Много занятного вокруг, но самое интересное — в павильонах. В них-настоящее и будущее страны, ее свершения и надежды.

Стало традицией ежегодно в День независимости устраивать на Чокоссане выставку достижений. Мой добровольный гид — двадцатитрехлетний бирманец Чо Сун прекрасно владеет английским. Спрашиваю, где он научился языку. «В университете, я окончил химический факультет».

С энтузиазмом показывал мне Чо Сун экспонаты выставки — макеты ирригационных плотин, ткацкие станки, продукцию фармацевтического завода, мебель из тика. Любуюсь древней лаковой миниатюрой Пагана и современным цветным стеклом, резьбой по слоновой кости, перламутру.

В павильоне «Департамент развития минеральных ресурсов» представлены богатства подземных кладовых Бирмы — вольфрам, медь, железная руда, уголь, графит, хром, мрамор. Под стеклом собраны сокровища страны: рдеют рубины, мерцают сапфир, топаз, нефрит, аквамарин и лунный камень. Драгоценные камни и жемчуг — особая статья экспорта Бирмы.

У стендов народного образования много школьников с блокнотами в руках. Здесь все — от топора до лабораторного оборудования — сделано руками ребят. Оживленно у санитарно-просветительных плакатов.

Архитекторы мечтают о завтрашнем Рангуне с воздушными мостами и подземными переходами, со зданиями современных конструкций. Правда, будущее страны во многом пока в диаграммах и макетах. Но народ пробужден для творчества. Больше пяти тысяч рабочих с гордостью носят звание героев труда, среди них пятьсот женщин. У въезда во многие деревни я видела щиты с надписями: «У нас нет неграмотных!»

Опубликованный Революционным советом десять лет назад документ «Бирманский путь к социализму» служит программой действий. В истекшем году началось в стране всенародное обсуждение проекта новой конституции, предполагающей более широкое привлечение трудящихся к управлению государством. Стало практикой обсуждать экономические планы на семинарах рабочих, крестьян, интеллигенции.

Стабилизировать цены помогают потребительские кооперативы. Их сейчас несколько тысяч. Кооперативы сотрудничают и с государственным и с частным сектором в торговле. Но работают они под строгим контролем государства. Оно назначает администрацию, дает кооперативам мыло, сахар, соль, текстиль и другие товары.

Люди охотно идут в кооперативы. Вступая, они платят взнос, но зато имеют гарантированное обеспечение предметами первой необходимости по твердым ценам.

В городе Мандалае я беседовала с председателем самого крупного кооператива. За плечами этого немолодого человека, бывшего майора, немало заслуг. Кооператив объединяет 400 магазинов и контролирует торговлю для миллиона человек в округе Мандалай. Без специального экономического образования в таком хозяйстве разобраться трудно. Характерно, что заместители председателя молодые люди с высшим образованием. И в этом знамение времени.

Вообще новое повсюду решительно вторгается в жизнь. Недалеко от города Пегу я видела разместившийся у самой пагоды парк МТС. Блестят на солнце новые чехословацкие тракторы. По дорогам страны ходят советские МАЗы, работают скреперы и бульдозеры. Осваивать новую технику бирманским друзьям помогают наши специалисты. Трудятся в Бирме советские ирригаторы. В Рангунском технологическом институте, построенном при содействии Советского Союза, наши преподаватели вместе с бирманскими коллегами готовят квалифицированных инженеров, в которых сильно нуждается молодая экономика.

В горном городе Таунджи работают советские врачи. Не просто им живется вдали от дома: почта приходит редко, в городе случается холера, дважды заносили чуму. Но они не думают об опасности, делают свое дело. Недаром госпиталь, где они врачуют, называют «русским». Две тысячи операций сделал за два года хирург из Киева Чеховский. Сотням людей принесли исцеление опытные руки доктора Маркова из Москвы.

Широкая программа социальных преобразований правительства Не Вина пробивает себе дорогу в жизнь. Двадцать пять лет свободы! По сравнению с веками отсталости и столетием английского колониального господства это срок небольшой. Но за эти годы сделано немало. Бирма строит новую жизнь. И пусть много врагов у молодого государства, пусть труден путь к цели, но недаром в народе говорят: «Знающий дорогу — не устает!»

Рангун — Москва.

Девушки народности качинов.

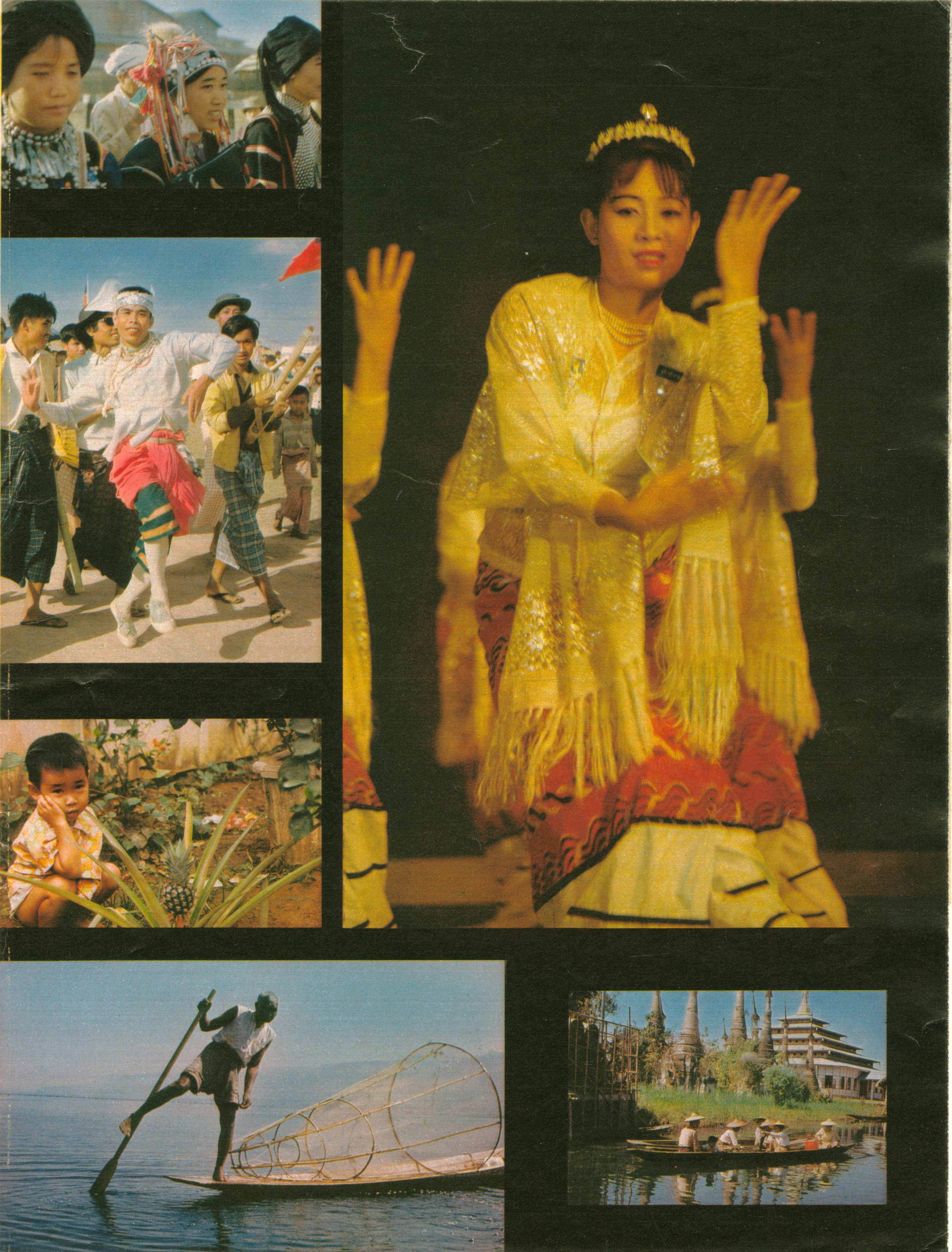
На улицах Рангуна в день национального праздника Бирмы.

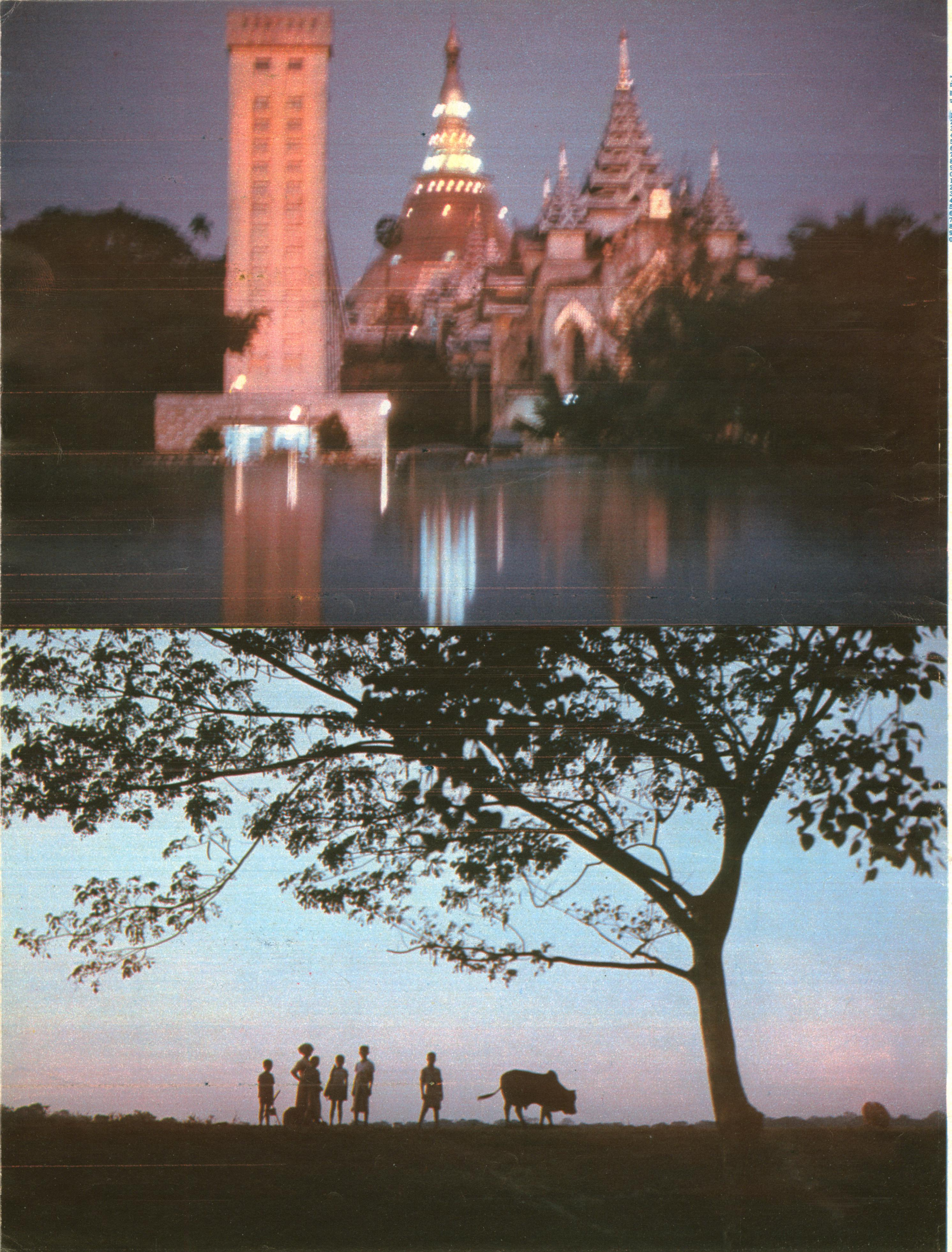
Так растет ананас.

Рыбак с озера Инле.

Древний танец.

Бирманская Венеция.

РАССКАЗЫ О ПРИВЫЧНОМ

ПИШУЩЕЕ ПИАНИНО

Знаете ли вы, что в 1973 году исполняется сто лет со дня изобретения столь привычной нам теперь пишущей машинки? Прошел век с тех пор, как в США, в городе Илион (штат Нью-Йорк), оружейный завод выпустил первую партию (1 000 штук) пишущих машинок под названием «Ремингтон» (фамилия фабриканта).

В проспектах и в газетных объявлениях было сказано: «Каждый, кто только бросит взгляд на наше новое изобретение, кто хоть в течение одной минуты попробует печатать на нашей пишущей машинке, тот сразу же убедится в том, сколько преимуществ она дает по сравнению с рукописью. Читабельность, быстрота, простота обслуживания, экономичность».

И далее: «Нет больше утомляемости для рук и глаз, судорог, искривления позвоночника».

Истории многих изобретений часто бывают трагическими. Пишущая машинка в США появилась в начале 1873 года, а шестью годами раньше над этой «бесплодной идеей» смеялись «корифеи техники» — профессора Венского политехнического института.

Дело в том, что император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I просил их дать свое заключение об изобретении некоего Петра Миттергофера, сделавшего модель пишущей машинки. Профессора высказали императору такое мнение:

«Что касается ценности и возможности практического применения модели герра Миттергофера, то мы исключаем такую возможность. Даже усвоение средней скорости требует, по нашему мнению, огромного труда и постоянных упражнений. Но даже если допустить, что кому-нибудь удастся достигнуть большой скорости, то он никогда не достигнет скорости писания рукой».

Что же известно о Миттергофере? Родился он около Мерано, в бывшей Австро-Венгрии. У его отца была маленькая лесопильня, где работал и мальчик. Охотно строил разные музыкальные инструменты и сам учился играть на них, а также петь, сочиняя свой собственный текст.

Когда Миттергоферу было 27 лет, он поехал в Италию, где познакомился с неким адвокатом Равицца. Хобби Равицца тоже была конструкция пишущих машинок. Первую модель он начал строить в 1836 году и закончил через... двадцать лет!

Равицца построил 16 моделей, прежде чем решился показать свою лучшую. Первым, кому он ее показал, стал его друг Миттергофер. Свое изобретение он назвал «пишущее пианино».

На право изобретения пишущей машинки может претендовать и англичанин Генри Миль. Еще в 1714 году он получил патент на идею пишущей машинки, но только на основании эскиза.

О работе англичанина ничего не знал немец Фридрих Кнауз, родившийся в 1724 году в Штутгарте. Когда в 1757 году его назначили придворным механиком в Вене, он тоже сконструировал свою «пишущую чудо-машинку». Однако успеха она не имела.

Бесплодными оказались подобные попытки скандинавца Маллинг-Гансена (1860 год) и его предшественников — знаменитого английского физика Уитстона (1851 год) и французского книгопечатника Ксавье Прожена (1833 год). Таким образом, пишущая машинка рождалась сразу в нескольких странах.

В 1893 году к Миттергоферу явился репортер и задал ему вопрос, кто же первый конструктор пишущей машинки (об этом тогда шел спор). Ответ Миттергофера гласил:

— Американцы Карлос Гliденн и Кристофер Шоулс, ибо они осуществили то, о чем я и мой друг Равицца только мечтали.

Но кто же на самом деле «отец» пишущей машинки? Тот, кто добился ее массового производства, тот, кто задумал первый эскиз, или тот, кто построил первую модель?

БУКВА И ЗВУК

Пожалуй, не найдется сейчас человека на земном шаре, кому бы не приходилось хоть раз поставить на диск проигрывателя грампластинку с любимой песней или симфоническим концертом. Какова же история этого изобретения?

1589 год. Миланец Порта сообщает: «У меня появилась идея словить слова, произносимые нами, и заключить их в трубы из свинца, оставляя отверстие. Если его открыть, то слова выйдут оттуда, и их можно будет снова услышать».

Ах, как смеялись над этим «утопистом» его современники! Были и такие, кто считал, что ему место в психиатрической больнице...

В знаменитой книге «Приключения Мюнхаузена», ставшей одним из лучших творений мировой литературы, есть упоминание о «консервированной музыке», то есть такой, которую сперва «замораживают», а потом «размораживают».

В декабре 1877 года Т. А. Эдисону удалась конструкция фонографа.

1888 год. Рождается граммофон. Название его идет от тех же двух слов — буква (грамма) и фонэ (звук), что и вошли в название фонографа Эдисона. В качестве носителя звука изобретатель граммофона немец Э. Берлинер использовал цинковый диск со слоем воска. Это позволило снимать копии, начать массовое производство грампластинок.

В России массовый выпуск грампластинок начался в 1901 году. А сейчас их производство в СССР превысило 180 миллионов экземпляров. Экспорт идет в 60 стран мира.

ПЕРВЫЙ ЛИФТ

Когда появился первый лифт и кто был его изобретателем? Однозначно ответить на этот вопрос тоже нельзя. Ведь канатные лифты существовали еще в Древнем Риме. Лифт был найден при раскопках дворца Нерона. После пожара Рима, подожженного, как сообщают некоторые источники, самим императором, Нерон в 66 году строил новый дворец — «Золотой дом». Там был канатный лифт, идущий на высоту в сорок метров с остановками на разных этажах. Принимались и меры безопасности. Например, на дне лифта, внизу, и на поверхности шахты лежала толстая мягкая подушка. Подозрительный Нерон боялся, что трое рабов, обслуживающих лифт, могут перерезать канат...

В России лифты строились еще в середине XVIII века, например, во дворцах Царского Села и в Кускове, под Москвой. В 1785 году известный механик И. Кулибин сконструировал винтовой лифт.

Первый лифт на электрической тяге появился в 1880 году. Создателем его считалась берлинская фирма «Сименс». Многокабинный лифт непрерывного действия назывался «патерностер», что дословно означает «отче наш». Молясь, католики для отсчета молитв и поклонов пользовались четками — шнурком с нанизанными на него шариками из стекла, кости, янтаря или дерева. Многокабинный лифт внешне напоминал гигантские четки.

«ГРАНИЧИТ С ФАНТАСТИКОЙ...»

Трудно поверить, что эти слова относились к такому обычному предмету домашнего обихода, как швейная машина. Чуть ли не полтора века назад берлинцы, взявшие в руки «Иллюстрирте цайтунг», могли прочесть:

«Из Парижа сообщают, что портной Тимонье показывает в Вильфранш сконструированную им швейную машину, в реальности которой можно сомневаться, если не видеть ее собственными глазами. Любой ученик может уже через несколько часов научиться шить на ней. Передают, что на этой машине можно делать двести стежков в минуту. Все это и многое другое известное о ее конструкции граничит с фантастикой».

Еще в 1814 году австрийский портной Иозеф Мадерспергер придумал подобную машину, но натолкнулся на враждебность своих коллег-портных, боящихся машинного труда. Препятствия чинили и чиновники, требовавшие от бедного портного неимоверно высокой суммы за патент. Изобретатель умер в приюте для бедняков...

А патент на швейную машину получил в 1846 году американец Элиас Хоу, ставший потом миллионером. Его изобретением заинтересовались финансисты США, так как в период бурного развития текстильной промышленности швейная машина сулила выгоды.

Другой американец, Зингер, ввел серийное производство швейной машины и стал экспортировать ее во многие страны мира. Марка «Зингер» сделалась всемирно известной.

Двести стежков в минуту — эта скорость считалась фантастической. Сегодня швейные машины делают 4 тысячи стежков в минуту.

Т. АУЭРБАХ

Национальная гордость бирманцев — золотая пагода Шведагон.

Темнеет... Крестьяне покидают рисовое поле.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА И. В. КУРЧАТОВА

Рисунок А. ЛАКТИОНОВА.

ПЛАМЯ И ВЗРЫВ

12 января этого года трижды Герою Социалистического Труда академику Игорю Васильевичу Курчатову исполнилось бы 70 лет. Под руководством Игоря Васильевича была создана советская атомная наука и техника, выросла целая плеяда блестящих ученых-атомников. В числе ближайших сподвижников И. В. Курчатова по атомному фронту был трижды Герой Социалистического Труда член-корреспондент Академии наук СССР Кирилл Иванович Щелкин.

Ниже печатаются два фрагмента из новой книги П. Т. Асташенкова «Пламя и взрыв» о встречах И. В. Курчатова и К. И. Щелкина.

Поздно ночью покинул Кирилл лабораторию. Над Ленинградом стояла июньская ночь, точно такая, о какой поэт сказал: «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса».

Кирилл остановился, огляделся и вдруг увидел, что из подъезда физико-технического института вышел высокий человек, осанкой похожий на поэта Маяковского. Щелкин сразу узнал его: Игорь Васильевич Курчатов, тридцатилетний доктор наук, недавно прославившийся открытием нового класса веществ, названных им сегнетоэлектриками. «Наверное, задержался в новой лаборатории физтеха по изучению ядра атома»,— предположил Щелкин и двинулся навстречу Игорю Васильевичу. Они дружески поздоровались. Курчатов окинул взглядом Щелкина и, подшучивая, спросил:

— О, да на вас пижонский костюм...— И, переходя на серьезный тон, продолжал: — Что задержало?

— Все проясняю детонацию,— ответил Кирилл Иванович.— Расчет винтового движения пламени — детонационного спина — попробовал сделать. Отчет уже готов, но мне не все в нем нравится. Сидел да марал...

— А вы на время повернитесь спиной к спину,— посоветовал Курчатов.— Это я вам серьезно. Без паузы, без того, чтобы отойти на расстояние и оценить сделанное, можно искромсать все. Вон посмотрите на Николая Николаевича Семенова. В решающий момент работы над теорией разветвленных цепных реакций он взял да и уехал на озеро Селигер. А оттуда вернулся с мировым открытием. Советую: отойдите на расстояние.

— Не могу. Раз взялся за что-нибудь, теряю покой. Пока не кончу, ни о чем другом думать не могу.

— Это по молодости,— с легкой иронией произнес Курчатов.— Кстати, в каком году вы родились?

— В одиннадцатом.

— Видите, на восемь лет моложе меня. А где?

— В Тбилиси.

— Вот и южная кровь чувствуется. Нетерпелив...— заметил Курчатов.

Щелкин ответил не сразу. Родился-то он действительно в Тбилиси, или Тифлисе, как он тогда назывался, но родословную свою ведет от крепостных крестьян Смоленской и Курской губерний России.

По роду своей работы отец только зиму проводил в Тифлисе, а летом выезжал в горные села Ереванской губернии. Весной семья на лошадях отправлялась в горы Армении.

— Да,— задумчиво произнес взволнованный воспоминаниями Щелкин,— детство у меня было кочевое. В грудном возрасте объехал горы Армении. Мальчишкой проделал путь от Кавказа до Смоленщины, а оттуда потом до Крыма...

В лад словам шуршали подошвы по влажным камням мостовой — выпала роса. В окнах домов зажглись оранжевые зарева — отражения восхода.

Курчатов молчал, тоже вспоминая свои детские годы, свои скитания.

— Как, вы и в Крыму были? — словно очнувшись от своих воспоминаний, спросил Игорь Васильевич.

— Восемь лет,— ответил Щелкин,— в 1924 году приехали. Но Крым отцу не помог. Через год он умер от туберкулеза.

— И моей сестре Крым тоже не помог,— продолжая разговор, сообщил Курчатов.— Умерла, и тоже от туберкулеза. А ведь, чтобы ее спасти, и наша семья переехала в Симферополь из Симбирска.

Помолчав, Игорь Васильевич спросил:

— Почему вы от физики в химию уклонились, никак не пойму!

— Академик Семенов «уклонил»,—ответил Щелкин.— Из Симферополя вызвал, сразу после окончания института.

— Так я тоже в институте учился. Только он тогда назывался университетом. И было это в начале двадцатых годов.

— А я — в начале тридцатых. Почти десять лет... Они, конечно — внесли свои поправки.

— Ну вот, нужна была белая ночь, чтобы мы узнали, что мы земляки,— засмеялся Курчатов.— А вот и наша Ольгинская.

Игорь Васильевич остановился, потянулся, словно борясь со сном, и сообщил:

— На днях ухожу в поход по реке Белой. А у вас что, в институте ни кружков, ни походов?

— Да мне не до них.

— Это старый мотив: «Я занимаюсь наукой в своем уголке. Не могу оторваться». Мой вам совет: не надо затворничать. Идите в оба кружка сразу. Будет здорово! — В словах Игоря Васильевича чувствовался азарт.— Пока у вас летает пламя в трубах. А вы полетайте сами. Почувствуете на себе гидро- и газодинамику. Скорее поймете, что происходит с движущимся пламенем.

В голосе Курчатова слышалась улыбка и в то же время многозначительность. Игорь Васильевич, как всегда, крепко пожал руку на прощание и, насвистывая «Кукарачу», зашагал к своему дому.

* * *

...Февраль 1960 года возвестил о своем приходе затяжной метелью, так что окно в палате Кирилла Ивановича словно кто-то задернул с улицы плотной белой материей. В этот февральский метельный день давление у него резко поднялось, и он не вставал с кровати.

Вдруг дверь палаты распахнулась. Кирилл Иванович повернул голову и увидел внушительную фигуру в белом халате. Смеющиеся темные глаза, нос с горбинкой, черная с проседью борода... Курчатов!

Кирилл Иванович приподнялся на кровати, приветствуя Игоря Васильевича. А про себя подумал: «Да он же сам больной, идет с палочкой, утомлен». Но Игорь Васильевич уже уселся на стул, стал подшучивать над Кириллом Ивановичем:

— Я за тобой пришел, ты чтото залежался, а у меня должность подготовлена хорошая, боюсь, прозеваешь...

— И то правда,— с улыбкой согласился Щелкин,— возьмите меня отсюда, в благодарность всю жизнь табак тереть буду...

Игорь Васильевич пояснил, что он насчет работы не шутил: сильно размахнулись по управляемому термоядерному синтезу — нужны люди. Кирилл Иванович будет там на месте. По всему чувствовалось, что Курчатов готовился к большому рывку в этой новой и трудной области физики.

— Я испытываю,— сказал Курчатов,— какой-то большой прилив сил. Очень много удалось сделать за неделю.— Помолчал и добавил:— Не знаю только, чем это кончится...

Игорю Васильевичу не суждено было осуществить обширные планы по исследованию термоядерных реакций. Разговор с Кириллом Ивановичем в больнице произошел за два дня до его внезапной кончины — 7 февраля 1960 года.

Весть о смерти Игоря Васильевича обожгла сердце Кирилла Ивановича. Ему стало трудно дышать, боли усилились. У его постели пришлось установить дежурство. Временами он впадал в забытье, а пробуждаясь, рвался с постели, пытаясь уйти проститься с Игорем Васильевичем...

Позднее, размышляя о чертах Курчатова-ученого, Кирилл Иванович записал в дневнике: «Он возглавил советскую атомную науку в ее наиболее героический период. Было время, когда от решения атомной проблемы во многом зависела жизнь государства, жизнь советского народа. Эта проблема была успешно решена. Пока никто не знает, каких усилий и какого напряжения стоило это решение ее участникам. Успех дела в значительной мере обеспечило руководство Игоря Васильевича. Он мог взять на себя всю полноту ответственности за гигантские затраты. Он мог указать важнейшие направления, на которых надо сосредоточить максимальные усилия. Он был великим стратегом науки. В этом, я думаю, его главная сила.

Это был Человек с большой буквы. Великий ученый, патриот, гражданин, организатор, и притом великолепный организатор науки».

Написав эти строки, Кирилл Иванович вспомнил горячие «атомные деньки»:

«Нельзя сказать, что с Игорем Васильевичем было легко работать. Он обладал способностью загружать сотрудников выше всяческих общепринятых норм, вовлекать множество людей в самую напряженную и тяжелую работу. Это ему удавалось, может быть, потому, что он сам работал больше всех и увлекал других личным примером. Он мог вызвать человека поздним вечером, поручить ему кучу дел, попросив все сделать к утру, и на прощание с улыбкой сказать: «Ну, иди отдыхай». Необычайно требовательный, он постоянно был добр, любил остроту, шутку».

Кирилл Иванович долго думал о Курчатове в ту ночь, ночь после кончины Игоря Васильевича. Он вспомнил, как любила и уважала ученого молодежь. Не случайно под руководством и присмотром Курчатова выросли сотни, а может, даже тысячи молодых ученых, выдвинувшихся на передовые рубежи науки. Смело можно сказать, что сейчас ведущей силой ядерной науки и современной физики в СССР стала молодежь. В этом большая заслуга Игоря Васильевича.

Когда он приходил в одну из многочисленных своих лабораторий — а их под его командованием было немало,— он заставлял докладывать о состоянии дел не начальников, а рядовых исполнителей. «Пусть докладывают ребята, посмотрим, как они понимают свою задачу!» — любимая фраза Игоря Васильевича.

Будучи руководителем множества научных работ, а по существу, самым главным их участником, он никогда не ставил свою подпись под соответствующими отчетами и статьями. Никто не слышал от Курчатова выспренних фраз о молодежи и научной смене, но он никогда не забывал молодых сотрудников и учеников и никому их не давал в обиду.

Когда он что-нибудь поручал, преград не существовало, люди рвались как будто в бой. Курчатов вообще умел заражать идеями кого угодно — от работников министерства до самых заматерелых снабженцев.

Пресловутый научный скепсис, о котором многие говорят, Игорь Васильевич отметал полностью. Более того, он смело брался строить большие установки зачастую при весьма скромных теоретических и экспериментальных предпосылках. Некоторые хотят сначала показать другим, а вернее всего, убедить себя, что так делать можно. А он верил заранее, иначе не пускался бы вообще в дорогу. Делая сразу большую термоядерную установку ОГРА, он, несомненно, предвидел, что она в будущем подарит бесценный опыт работы с крупными установками. И вполне вероятно, что непрактичность ОГРЫ еще обернется через некоторое время рентабельностью какой-то новой установки.

Если говорить о стиле Игоря Васильевича, о знаменитом курчатовском стиле, то стиль этот характеризовало умение Курчатова четко отделить главное от второстепенного. Он умел вносить ясность в самые запутанные вопросы. Рассматривая сложные теоретические выкладки, Курчатов всегда спрашивал: «Где физсмысл? Укрылись за формулами и довольны». Но и экспериментаторам спуска не было: «Эмпирически решаете, на брюхе ползете».

Курчатов сочетал в себе теоретика с экспериментатором, причем усиливалось это сочетание гениальной научной интуицией. И поистине великолепно было его умение объяснить самые отвлеченные идеи: «Постой, что-то слишком научно объясняешь. Мы сейчас сообразим по-простому, по-рабоче-крестьянски».

И тут же появлялось кристально-четкое, поистине прозрачное объяснение.

Еще у Курчатова была черта характера: он любил все делать сам. Это не значит, что не доверял людям. Нет, тут сказывалось нетерпение ученого, своего рода научный зуд: «Сделать самому. Это же здорово!»

Вслед за постройкой первого ядерного реактора Игорь Васильевич непосредственно руководил постройкой и пуском многих промышленных реакторов.

Ни минуты успокоенности. Решена одна задача, тотчас же ставится другая, еще более крупная.

Наконец, проблема, поставленная перед коллективом Курчатова, решена. Казалось бы, надо немного отдохнуть. Но нет, какой отдых может быть у ученого? Он отдыхает за работой.

Развивается ядерная энергетика. А затем, еще в 1950 году, он нацеливает свой институт на работу по исследованию управляемых термоядерных реакций. И поистине разорвавшейся бомбой в зарубежном научном мире прозвучал знаменитый доклад Игоря Васильевича в Харуэлле, в Англии, в 1956 году — о возможностях решения проблемы термоядерного синтеза...

«Солдаты жалеть себя не должны»— это была любимая поговорка Игоря Васильевича. Но организм, конечно, не был железным. Первый удар — приступ инсульта — май 1956 года, второй — февраль 1957-го. Курчатов довольно быстро встал, казалось, совсем оправился и в начале 1960 года развил кипучую деятельность, организуя новый цикл работ по столь дорогому ему термоядерному синтезу.

Он был весел и неоднократно шутил и над своей болезнью и над самим собой. Обычный звонок: «Физкультприветик! Говорит борода», или «Говорит дважды ударник» (намек на два удара), или «Говорит дважды кондратированный»... А как-то уже не в шутку сказал: «Два звонка с того света были. Надо сделать нечто большое, а то и третьего дождешься».

Он и установку свою последнюю назвал ДОУТРИ, что означало «До удара три». Но в этом юморе не тоска безнадежности, нет, он шел от самого характера — слишком сильно Игорь Васильевич любил жизнь, чтобы бояться смерти.

Кирилл Иванович Щелкин написал о своем учителе и друге статью. В ней он нарисовал обаятельный образ богатыря советской атомной науки. Высказывания Щелкина о Курчатове приобретают особый смысл еще и потому, что, как сказал академик М. А. Садовский, «среди советских ученых-атомников Кирилл Иванович Щелкин более других был похож в жизни и деятельности на Курчатова».

Михаил ХОДАКОВ

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИШУНИ, ШАРИКА И ПОРИ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Все вы, дорогие друзья, конечно, не забыли, чем кончилось путешествие неразлучной тройки — медвежонка Мишуни, ежика Шарика и кабаненка Пори в страну Вежливанию[1]. Все приключения их, к счастью, кончились благополучно, они вернулись домой и больше уже не помышляли о путешествиях. Они даже в лес далеко уходить боялись. А то — б-р-р-р! — попадешь опять в Болотию, будут квакать и дразнить бесстыжие лягушки. Нет уж, лучше всего дома, поближе к мамам. И досиделись они дома до того, что их прозвали маменькиными сынками.

— Не слушаться маму — плохо, а слушаться во всем — тоже, выходит, нехорошо, — вздохнул Мишуня.

— И зачем только мы эту Вежливанию искали? — вздыхал Шарик. — Раньше как-то лучше было. Что я хотел, то и делал, и совсем не думал, хорошо это или плохо.

— И правда, — поддержал его Поря, — я вот все думаю, думаю...

— Ты думаешь? — вдруг перебил Порю Шарик.— О чем это ты думаешь, интересно бы узнать? Уж не о том ли, что вчера под дубом так изрыл землю, что дерево упало и сорока со своим семейством без гнезда осталась?!

— Так я же не нарочно, — начал оправдываться Поря, — я же не знал...

— А зачем рыл?

— Я младшему братишке желуди искал... Должен же я ему помогать.

— Помогать брату должен, но при этом другим портить жизнь не имеешь права! — не унимался Шарик.

— Ну, что же теперь делать?

Шарику стало жалко Порю — вид у него был такой, что, кажется, вот-вот он заплачет.

— Ладно, — сказал Шарик, — я тебе скажу, что надо делать. Только на будущее запомни: всегда думай не только о себе, но и о других.

— Буду о других думать, обязательно буду! Только ты скажи, как теперь помочь Сороке?

— Сначала пойдем извинимся, а потом будем помогать.

Прибежали они к Сороке. Сидит она на березе грустная-грустная.

— Ну, извиняйся,— толкнул Шарик в бок Порю.

Но Поря только взвизгнул — иголки-то у Шарика острые. И этими иголками Шарик здорово кольнул Порю.

Сорока подняла голову и испуганно посмотрела вниз.

— Извини меня, Сорока, — пропищал Поря.

— И не сердись на нас, мы тебе новое гнез-

---

[1] «Огонек» №№ 29, 30, 31 за 1971 год.

— Опять только о себе думаешь!

— Нет, я не только...

— Он не о себе только, — вступился за Порю Мишуня, — он о всех лесных жителях, которые зимой спят и не видят Деда Мороза. Верно, Поря?

— Верно, верно,— быстро затараторил Поря. — Я о себе ни капельки, даже ни полкапельки не думаю. Я даже могу вообще себе ничего из подарков не брать, а все-все раздать лесным жителям, — добавил он грустно.

— Ну, это тоже будет несправедливо,— миролюбиво сказал Шарик, — ты свой подарок получишь, если мы только найдем Деда Мороза. А пока я предлагаю вот что: сейчас каждый пойдет домой и будет думать, как его найти. Утром мы встретимся вот тут... Хотя нет, — Шарик посмотрел вверх, где темнело гнездо Сороки,— лучше на полянке, и каждый расскажет, что он придумал за ночь.

до соорудим, — добавил Шарик и, покосившись на Порю, тихо сказал: — Понял теперь, что надо делать?

— Понял, — тоже тихо ответил Поря. — Сделаем новое гнездо! — Это он закричал уже во все горло. — Еще лучше старого!

— Вот спасибо-то!—обрадовалась Сорока.— А то мне очень уж трудно еще одно гнездо сделать. Да и не успею я — скоро у меня сорочата появятся.

Сорока еще что-то говорила, но друзья ее уже не слушали. Покатился Шарик по лесу и целый ворох листьев наколол на свои иголки. А Поря помчался в лес и через несколько минут вернулся с охапкой сухих веток и сучков — самым лучшим материалом для сорочьего гнезда.

А Мишуня уже на дерево лезет, присматривается, где бы понадежнее прикрепить гнездо Сороки.

Прошло немного времени, и на березе появился большой шар из сучков и веток. А внутри шара гнездо было выстлано листьями, мхом, разными мягкими травинками и птичьими перьями. Ну, не гнездо, а загляденье! Оно было и правда лучше старого.

— Вот спасибо, так уж спасибо! — затрещала Сорока, прыгая вокруг нового гнезда. — Вот спасибо, так уж спасибо! Какие вы хорошие-то, оказывается!

— Мы хорошие, — подтвердил Шарик.

— Хорошие,— кивнул Мишуня.

— А я-то думала, вы хулиганы какие-нибудь! А вы хорошие! Вот какое гнездо сделали! Ну, молодцы! В таком гнезде я и до Нового года проживу, если надо!

— До чего? — не понял Шарик.

— До какого года? — переспросил Мишуня.

— До Нового,— повторила Сорока.

— А что это такое? — удивился Поря. — Хорошо это или плохо?

— Эх, ребятки,— опять затараторила Сорока, — это праздник такой — всем праздникам праздник. Самый главный праздник. Красота какая — не передать словами! Деревья все принаряжаются, даже те, на которых нет листьев, в снежные шубки, в ожерелья из инея. Снег сверкает и искрится так, что даже глазам больно, а звезды на небе в эту ночь особенно ярко сверкают...

— Красиво, — прошептал Поря.

— Но самое главное — Дед Мороз. Он в новогодний праздник приходит ко всем хорошим людям и зверям, ко всем хорошим птицам и в своем волшебном мешке приносит подарки.

— Всем? — одновременно воскликнули Шарик, Мишуня и Поря.

— Всем хорошим,—строго ответила Сорока.

— А мы хорошие? — опять хором спросили друзья.

— Вы хорошие,— важно кивнула Сорока.

— А почему же нам никогда не приносили подарков? — удивился Мишуня.

— Да мы вообще не видели никогда Новый год! — произнес Шарик.

— А я даже и не слышал про этот праздник, — сказал Поря. — Почему, а?

— А правда, почему?— задумалась Сорока. Но думала она недолго. — Поняла! — закричала она. — Все поняла. Новый год когда? Зимой. А вы как раз зимой спите. Ты, Мишуня, в берлоге, ты, Шарик, в норке, а ты, Поря, всю зиму у себя в хлеву похрапываешь.

— Это верно, — согласились друзья, — спим мы зимой крепко.

— Вот поэтому вы и не знаете, что такое новогодний праздник.

— И никто нам не приносил подарков в Новый год, — грустно сказал Поря.

— Разве это справедливо? — спросил Мишуня. — Мы же не виноваты, что приходится зимой спать. Мы же не нарочно...

— Несправедливо! — твердо сказал Шарик.

— Что же делать? — Это, конечно, спросил Поря.

— А уж этого я не знаю, — крикнула Сорока, — вы уж сами подумайте, а мне некогда. Спасибо вам за гнездо! — И она полетела куда-то по своим сорочьим делам.

Мишуня и Поря проводили ее взглядом и повернулись к Шарику. Шарик тоже следил за Сорокой и, убедившись, что она улетела далеко, весело посмотрел на грустных Порю и Мишуню.

— Я знаю, что делать! — твердо сказал он.

— Что?! — одновременно воскликнули Поря и Мишуня.

— Мы сами пойдем к Дедам Морозам и спросим их, как нам быть.

— Верно! — обрадовался Поря. — Пошли скорее!

— А ты знаешь, где живут эти Деды Морозы? — спросил Мишуня.

— В том-то и дело, что не знаю, — признался Шарик.

— А как же быть?

— Но ведь живут же они где-то! — не сдавался Шарик. — А раз так, мы их обязательно найдем. Расскажем им все и получим подарки. А может быть, и свой волшебный мешок даст нам Дед Мороз поносить...

— Вот уж наберем мы себе подарков! — обрадовался Поря.

— Опять? — строго посмотрел на него Шарик и ощетинил свои иголки, будто собираясь уколоть Порю.

— Что опять? — испуганно попятился Поря.

Так порешили и разошлись. Шарик ушел на свою улицу Колючую, Поря — на Поросячую, а Мишуня — на Топтыгинскую.

Утром они снова встретились.

— Ну, друзья, придумали, где нам искать Деда Мороза? — весело спросил Шарик.

— Я всю ночь думал-думал и ничего не придумал, — признался Мишуня.

— И я всю ночь думал, — сказал Поря, — у меня даже голова разболелась. Зато придумал.

Мишуня рот открыл от удивления: вот уж не ожидал он от Пори такой прыти. Шарик быстро подкатился к Поре и тоже удивленно посмотрел на его пятачок.

— Ну, так что же ты придумал? — спросил нетерпеливо Мишуня.

— Я придумал вот что: давайте у кого-нибудь спросим, где живет Дед Мороз?

Мишуня и Шарик переглянулись и засмеялись. Они смеялись так громко и так долго, что Поря даже потерял терпение.

— Чего вы так долго смеетесь? — наконец спросил он обиженно.

— Очень смешно, — ответил Мишуня, — я еще вчера подумал об этом. Да вот только кого спросить-то?

— А вот этого я не придумал, — сказал Поря.

— А это же самое главное!

— Ну, раз это самое главное, то я скажу вам, кого надо спросить, — важно проговорил Шарик. — Кто на свете самый хвастливый?

— Заяц! — крикнул Поря.

— Верно, Заяц, — кивнул Мишуня, — недаром же его зовут Заяц-всезнаяц.

— Вот мы его и спросим. Конечно, он не все знает, но вдруг про Деда Мороза ему что-нибудь известно. Ведь он зимой-то не спит, значит, видит Деда Мороза...

— И даже, наверное, подарки получает от него, — вздохнул Поря.

И они отправились искать Зайца. А он и сам им навстречу прыгает. Вид у него довольный-предовольный, сразу видно: на огороде был, вволю наелся морковки.

— Здравствуй, Заяц, — окликнул его Шарик, — куда торопишься?

— А никуда.

— Раз так — разреши наш спор.

— Пожалуйста, на любой вопрос могу ответить.

— А спор вот о чем: Поря и Мишуня говорят, что ты не все знаешь, а я уверен — ты самый умный и самый всезнайка в нашем лесу.

— Об этом спор? — удивился Заяц. — Да тут и спорить нечего, это всем известно: я знаю все!

— А как докажешь? То есть мне-то доказывать не надо, а вот как ты докажешь им? — кивнул Шарик в сторону Пори и Мишуни.

— Ну что ж, пусть задают вопросы, — небрежно повернулся к ним Заяц.

— Где... — начал было Поря, но Шарик перебил его.

— Где день сменяет ночь, хочет спросить Поря, — сказал Шарик.

— На краю света.

— Сколько звезд на небе? — спросил Мишуня.

— Больше, чем иголок у Шарика, — не задумываясь, ответил Заяц.

Шарик посмотрел на друзей, незаметно подмигнул им, и Поря понял, что вот теперь можно задать главный вопрос. И он спросил, стараясь не показать, что очень волнуется:

— А где живут Деды Морозы?!

Заяц открыл было рот, чтобы сразу ответить на этот вопрос, но так и остался с открытым ртом: он не только не знал, где живут Деды Морозы, но даже не знал, что придумать в ответ на Порин вопрос.

— Ага, не знаешь! — закричал Поря.

— Не знаешь! — подхватил Мишуня. — А говоришь, что ты всезнайка...

Но Заяц уже не слышал — он прыгнул в кусты и пустился наутек. То ли ему стало стыдно, то ли он подумал, что его поколотят, в общем, удирал он без оглядки. Поря и Мишуня стали громко смеяться над Зайцем, но Шарик оборвал их.

— Перестаньте, — сказал он строго, — нам же хуже от того, что он не знает.

— Верно, — покачал головой Мишуня.

— Если Заяц не знает, то кто же может знать? — спросил Поря.

— Я знаю, — вдруг раздался голос с дерева.

Друзья сначала испугались, но, посмотрев наверх, увидели маленькую рыжую Белочку.

— Ты знаешь, где живут Деды Морозы?

— Нет, я знаю, у кого спросить, где они живут, — ответила Белочка и спустилась пониже. — Идите прямо, все время прямо, никуда не сворачивайте. И придете вы к норе Барсука. Он вам укажет путь дальше. Поняли?

— Поняли, Белочка, спасибо! — хором ответили друзья и пошли вперед.

Шли они долго, проголодались и решили присесть на полянке, поесть. И тут Поря удивил всех: Мишуня и Шарик не догадались взять с собой еду, а Поря догадался. Он разложил на траве сладкие корешки и ягоды, которые прихватил специально для Мишуни, жуков и червяков, которых он захватил для Шарика, и кочерыжки капусты, которые любил сам.

Только друзья принялись за еду, вдруг видят — подходит к ним старенький Ослик.

— Я очень голоден, — сказал он.

— И мы тоже, — ответил Поря.

— Когда вы последний раз ели? — спросил Ослик.

— Сегодня утром, — ответил Мишуня.

— А я уже три дня ничего не ел. Разве это справедливо?

— Нет, несправедливо, — согласился Мишуня и подвинул Ослику свою еду.

— Я тоже сегодня утром ел, а ты уже три дня голодный, — сказал Поря. — Это несправедливо! — И тоже подвинул Ослику свои кочерыжки.

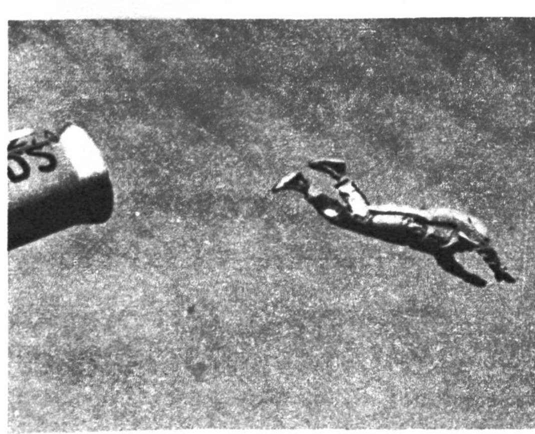
Шарик, конечно, тоже хотел ему отдать своих жуков и червяков, но Ослик отказался. Но Шарик все-таки отодвинул от себя еду: раз друзья его остались голодными, он решил тоже голодать. А Ослик наелся, весело махнул хвостиком, сказал «спасибо» и убежал.

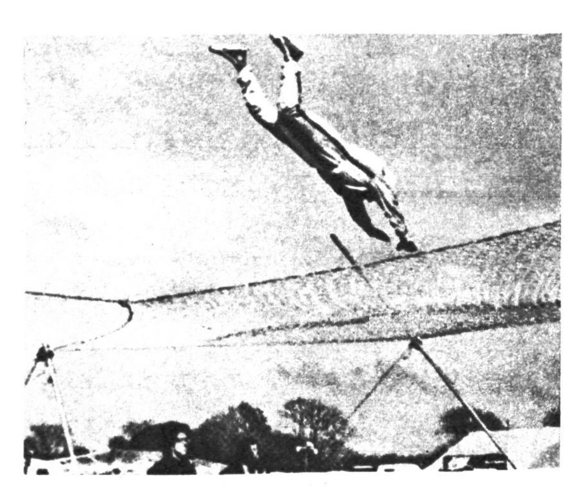
Окончание следует.

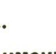

ЯДРО-ЧЕЛОВЕК

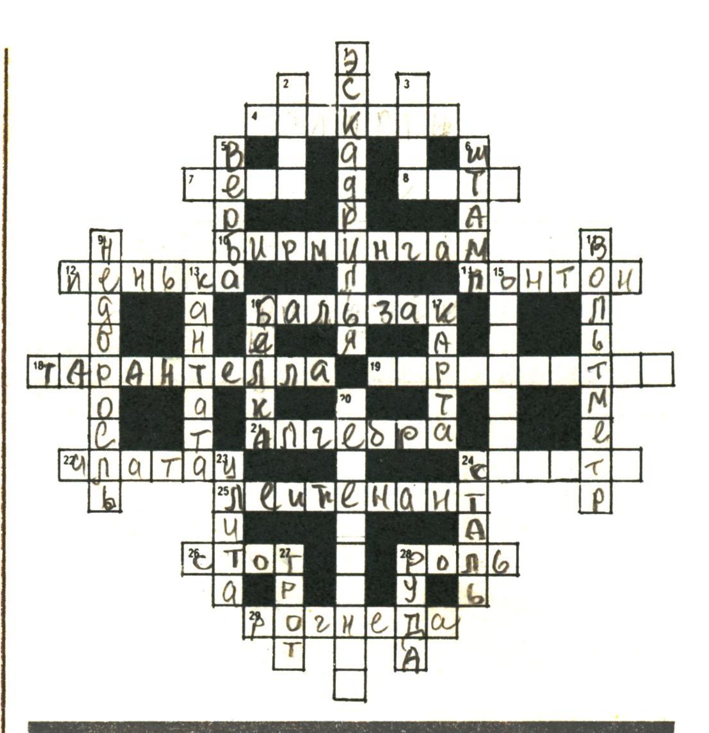
Раздается выстрел — и вылетает из пушки человек, падая на сеть, натянутую в 20 метрах. Этот аттракцион называется «ядро-человек».

Владелец аттракциона англичанин Вестон Вебб жалуется: «...С моими «ядрами-людьми» мне решительно не везет. Пока никто не решился вторично влезть в пушку. Один из них в ужасе бежал, даже не получив плату за выступление».

УДАР ЛЕВОЙ...

Кенгуру по имени Сидней выступает на арене многих западных цирков в качестве боксера.

Однажды дрессировщик Джонни Робертс решил сфотографировать своего любимца на лоне природы. Сиднею это почему-то не понравилось, и он нанес сильнейший удар в челюсть Робертса. Но, опомнившись, «боксер» принялся утешать своего хозяина, который долго не мог прийти в себя.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Рыба, обитающая в реках и озерах. 7. Приток Днепра. 8. Роман Л. М. Леонова. 10. Город в Великобритании. 12. Волокно из стеблей конопли. 14. Судно, служащее плавучей опорой мостов. 16. Французский писатель. 18. Итальянский народный танец. 19. Декоративное растение с мелкими цветками. 21. Часть математики. 22. Название ряда хребтов в Средней Азии и Сибири. 24. Жанр камерной музыки. 25. Офицерское звание. 26. Большая копна сена. 28. Сценический образ, воплощаемый актером. 29. Опера А. Н. Серова.

По вертикали: 1. Подразделение авиации. 2. Типографский наборный стол. 3. Часть зрительного зала. 5. Лиственное дерево. 6. Металлическая форма для изготовления деталей давлением. 9. Комедия Д. И. Фонвизина. 11. Прибор для измерения электрического напряжения. 13. Вокально-инструментальное произведение. 15. Пролив между Апеннинским и Балканским полуостровами. 16. Пушной зверек. 17. Чертеж земной поверхности. 20. Русский живописец. 23. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Лес». 24. Сплав железа с углеродом. 27. Пещера в обрывистых морских берегах. 28. Природное минеральное соединение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 7. Рубрика. 8. Калория. 9. Винт. 10. Алябьев. 12. Квас. 13. Корвет. 15. Нарвал. 17. Алеко. 19. Воскресенье. 21. Астра. 23. Чавыча. 25. Плакат. 26. Танк. 28. Ренклод. 29. Трак. 30. Гадулка. 31. Ильюшин.

По вертикали: 1. Суриков. 2. Арат. 3. Октант. 4. Дарвин. 5. Полк. 6. Гималаи. 11. Буревестник. 14. «Варвары». 16. Ракетка. 17. Аккра. 18. Онега. 20. Шарабан. 22. Катализ. 24. Африка. 25. Пудель. 27. Круг. 29. Трюм.

На первой странице обложки: Узбекская актриса Гульчехра Джамилова (см. в номере фотоочерк «Гульчехра»).

Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице: Людмила Пахомова и Александр Горшков — чемпионы мира по танцам на льду.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 25/XII-72 г. А 00002. Подп. к печ. 9/I-73 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 22. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 4.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МЫ ИЗ «КОМЕТЫ»

Фото А. БОЧИНИНА.

Подмосковный рабочий городок Коломна совсем не похож на Давос — мировую столицу конькобежного спорта, и до Медео — «фабрики рекордов» — ему далеко. Здесь без устали дымят заводские трубы, бессонно светятся окна конструкторских бюро. И все же Коломна в течение последних трех лет стала центром притяжения скороходов всей страны. Произошло это потому, что рабочие, давние любители конькобежного спорта, построили искусственную дорожку, и теперь вне зависимости от капризов и причуд зимы уже в сентябре молодые коломенцы надевают коньки, а в гости к ним устремляются лучшие скороходы из разных городов.

И скороходы Коломны рады гостям, хотя, что скрывать, приток именитых посетителей уменьшает количество учебных часов для хозяев катка. Но зато они могут наблюдать тренировки гостей, изучать их технику скольжения.

Все чаще можно услышать на крупных соревнованиях слова: «Мы из «Кометы». Да, но вы еще не знаете, что скрывается за этими словами. «Комета»— это название специализированной спортивной школы, в которой занимаются молодые рабочие, студенты, школьники. В 1967 году первые питомцы школы должны были тренироваться на обычном катке, но разве можно добиться больших успехов за короткую зиму! И вот они начали строить искусственный каток. Сколько часов было отдано возведению опорной стенки, прокладке труб, зато теперь тренировки в Коломне начинаются с лета, а в школе за эти годы вырос Валерий Муратов, один из сильнейших спринтеров мира, вслед за ним мастером спорта стал его младший брат Юрий, Татьяна Горобец завоевала абсолютное первенство СССР среди юниоров, а Оля Георгиевская в числе еще шести кометовцев включена в сборную команду страны.

25 мастеров спорта выращены в коломенской школе. Сейчас в ней занимаются 700 скороходов, а в числе двадцати тренеров «Кометы» есть и питомцы школы — Юрий Осипов, Сергей Ершов, Владимир Владимиров.

С восьми утра до восьми вечера работает каток, на нем тренируются разрядники и мастера, а также начинающие скороходы, которые только готовятся к сдаче норм на значок ГТО. С сентября до конца года нормы ГТО по конькам уже сдали 489 человек...

— Мы из «Кометы»,— с гордостью говорят молодые коломенские конькобежцы.

В. ВИКТОРОВ

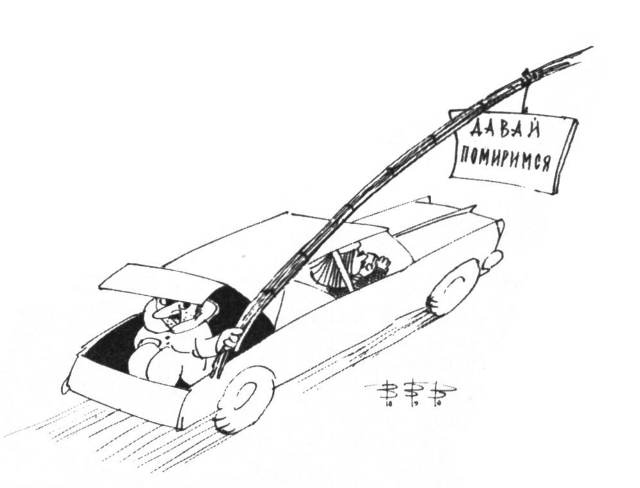
Открытие зимнего сезона.

Рисунок В. Тильмана.

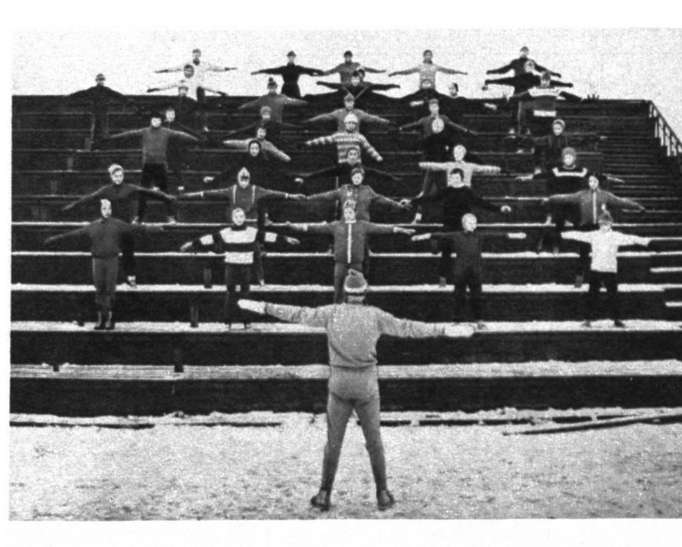
— Вот и папка наш звонит

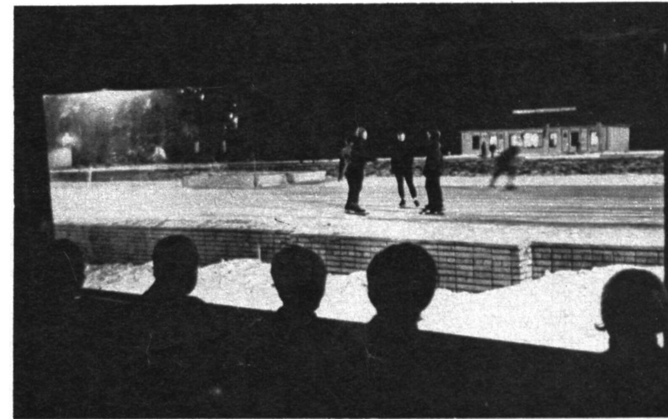
Рисунки В. Воеводина.

Гостья катка — москвичка Нина Подакина и Оля Георгиевская из «Кометы».

На искусственной дорожке...

Разминка перед выходом на лед.

Коломенский каток из окна судейской.

Таня Горобец (вторая справа).

— Доктор! Проверьте его зрение! С охоты пустой прихожу.

Сон рыбака.

— Полетим на юг!
— Зачем! Я и тут неплохо на зиму устроилась.

Рисунки И. Сычева.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.